

ГОЛОС
ЗАРУБЕЖЬЯ

53

МЮНХЕН 1989

С О Д Е Р Ж А Н И Е

В. Пирожкова. <i>Распад коммунизма?</i>	1
Д. Штурман. <i>Марксизм и "перестройка"</i>	4
В. Пирожкова. <i>Очередь доходит до Ленина</i>	8
В. Солоухин. <i>Ленинские мысли и взгляды</i>	12
Почему я не подписался под тем письмом	20
Фантастический разговор	25
Е. Кармазин. <i>Оппозиционные заметки</i>	27
В. Рудинский. <i>Обзор зарубежной печати</i>	34
Протоиерей Д. Константинов. <i>Страшная книга</i>	44
Открытое письмо в редакцию журнала "Границы"	46
Специальное сообщение "Экспресс-хроники"	48

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№53

Июнь 1989

Мюнхен

В. ПИРОЖКОВА

РАСПАД КОММУНИЗМА?

Дальше всего зашло пока в Венгрии. В этой стране идет речь о введении многопартийной системы. Подготавливается изменение конституции, по которому будут допущены другие партии, хотя есть намерение записать в новую конституцию гарантию для компартии абсолютного большинства в парламенте. Будущее покажет, во что выльются эти изменения.

В Венгрии изменен герб, серп и молот исчезли, возвращен национальный герб, а многие пририсовывают к новому гербу и корону св. Стефана. Вьются флаги с национальными цветами. С величайшим успехом шел фильм о последних годах австро-венгерской империи, а когда в Венгрию приехал сын последнего императора Карла Отто Габсбургский, он был встречен восторженно. Ему было разрешено выступить с речью, на которую пришла масса слушателей. Отто Габсбургский прекрасно владеет венгерским языком. Отметим с краю, что его матери, последней императрице Зите, десятки лет был воспрещен въезд в Австрию, но за несколько лет перед смертью ей этот въезд разрешили. Недавно она скончалась в возрасте 92 лет, и ее похороны в Австрии были такими, как будто она была до конца царствующей императрицей. Приехали многие из Венгрии. Недавно было снято заграждение из колючей проволоки на границе с Австрией.

В Польше легализована "Солидарность". Лех Валенса участвует в переговорах с правительством. Кроме того, Церковь официально признана юридическим лицом, и ей разрешено иметь свои школы и радиостанции. Польша стала первым коммунистическим государством, признавшим Церковь.

В хозяйственном отношении Венгрия начала реформы уже довольно давно, но пока и Венгрии трудно иметь большой успех. Разрушить хозяйство можно быстро, восстанавливать его трудно, да к тому же находясь еще в рамках хозяйственных связей с застанным социалистическим миром.

И в сверхкоммунистической до сих пор Болгарии кое-что шевелится.

Ни на какие реформы не идет ГДР. Вот недавно там были коммунальные выборы, и все было как в "старое доброе время", один список, за который предлагалось голосовать

целиком, не заходя в поставленные для вида кабинки. Проценты проголосовавших за единый список, как всегда, 99,8%. Зато перед выборами выпихнули в Зап. Германию молниеносно многие семьи, подавшие просьбу о выезде и ожидавшие, что им придется ждать месяцы или даже годы.

Но самой страшной страной в Европе остается Румыния. Совсем уже состарившийся Чаушеску с безумными глазами, кажется, хочет совсем погубить страну за те годы, которые ему еще осталось жить. Сколько деревень и местечек, сколько людей и животных, сколько своеобразной культуры и природы ему еще удастся погубить планами гигантомании, рожденными в его воспаленном мозгу, знает лишь Господь Бог, но тяжело, что остальной мир молчит. Протесты были, но слабые, жалкие, никак не идущие в сравнение с шумом вокруг Чили или ЮАР.

И Албания еще остается твердым коммунистическим и "чистым" атеистическим государством. А в многонациональной Югославии национальные страсти берут верх над коммунистической идеологией и плачевным положением хозяйства. Идет даже разговор о возможности распада страны на отдельные национальные государства, чему хочет воспрепятствовать новый вождь. Если ему это удастся, то поведет он страну под знаком коммунизма или скорее под знаком сербского национализма, будет видно.

Твердым и непоколебимым оплотом коммунизма остается пока Куба. Кастро недавно истерично кричал: "Марксизм-ленинизм или смерть!" Ортега из Никарагуа ездит по Европе, выпрашивая денег, а ему читают нотации о необходимости демократизации страны, на что Ортега, конечно, итти не хочет, но приятно улыбается в надежде, что ему все дадут денег как "кредит доверия" в счет будущей, им даже серьезно не обещанной демократизации.

Китай пошел по пути, противоположному горбачевскому, если в СССР пока еще все развитие можно свести к упрощенной формуле: гласность есть, а перестройки нет, то в Китае наоборот: перестройка (в хозяйстве) есть, а гласности нет. Вот этой-то гласности и требуют шумно студенты, молодые научные

сотрудники, да отчасти и рабочие. Рабочие и крестьяне стали больше поддерживать студентов, когда последние присоединили к своим лозунгам требование улучшения материально-го положения населения, т. к. и в Китае перестройка пока много не дала, да и коснулась она больше крупных центров.

Но все же почти везде марксистский социализм дает трещины, более или менее глубокие. Иные уже весьма глубоки и широки, возникает надежда, что он в одну из таких трещин совсем провалится.

Сложнее всего дело обстоит, конечно, в самой главной, самой большой стране, в той, где этот марксистский социализм продержался также дольше всего. Мы, конечно, имеем в виду СССР. Конституция изменена, но не в тех пунктах, в которых ее следовало бы изменить. Следовало бы изъять из конституции статьи о ведущей роли компартии и об однопартийном государстве. Вместо этого изменен порядок выборов и урезан Верховный Совет. Часть депутатских мест гарантировала себе партия. Зато другую часть можно теперь все же выбирать, т. к. во многих избирательных округах были выставлены два или три кандидата. Эти выборы прошли под знаком оппозиции: в большинстве округов были избраны те кандидаты, которые считались более или менее оппозиционными. Насколько они действительно оппозиционны, это другой вопрос, но забаллотированными оказались большей частью те, кого считали типичными представителями КПСС. Это положительный признак, который дал народ, но следует отметить, что переход к демократии стал после изменения конституции теоретически более трудным. Прежде на бумаге существовало прямое и равное избирательное право. Фактические выборы были фарсом, но при возникновении фактической возможности можно было бы перейти прямо к многопартийной демократии, теперь же для этого снова пришлось бы менять конституцию.

Горбачев выкинул почти третью партийных стариков из ЦК. Сделано это было по старому образцу, келейно, и никто не знает, каким методом воспользовался генсек, чтобы побудить этих стариков самим подать в отставку. Никакой демократии и даже никакой гласности. Все стало известно пост факту.

Так в чем же заключается гласность? Преимущественно, в разоблачениях прошлого, а также в том, и это важно, что печатаются статьи с довольно далеко расходящимися друг с другом мнениями. Интересно было бы проанализировать ряд разных журналов за некоторый период времени, но у нас нет пока на это сил. Нужен был бы специальный обозреватель не только зарубежной, но и советской печати. Мы говорим сейчас только

об официально издающихся в СССР журналах печатным образом, а не о многих машинописных неофициальных журналах, за которые сейчас не сажают, и это тоже радостно, хотя вот неофициальные типографии все же громят, печатать там ничего неофициального нельзя.

Разоблачается пока преимущественно время Сталина. Совсем недавно по советскому телевидению передавалась, наконец, долгое время или отрицавшаяся или замалчивавшаяся правда о договорах между СССР и гитлеровской Германией, также и договор о разделе несчастной Польши. Только в катынских убийствах еще открыто не признались. Но в Польше уже признано, что убийцами польских офицеров в Катыни были не нацисты, а советское НКВД.

Осторожно начинают задевать также и время Ленина, если пока еще не его самого. Об этом мы говорим в отдельной статье. Но вот в наших руках номер журнала "Наш современник" № 4 за этот год, того самого журнала, где было напечатано прекрасное письмо Вл. Соловухина, которое мы перепечатываем в этом номере нашего журнала. А в № 4 "Нашего современника" критика на пьесу М. Шатрова "Дальше, дальше, дальше", критика лишь отчасти литературная, преимущественно же политическая, это статья Владимира Бушиня "Когда сомнение уместно". Страшная статья. Она пытается воскресить кульп Сталина. Да, именно Сталина. Статья полна противоречий. Бушин как будто бы и не одобряет концлагерей и при этом приводит из солженицынского "Архипелага", оговаривая, что, мол, там не все вранье, список еврейских имен начальствующих в концлагерях лиц. Он их явно порицает, но главного начальника этих самых концлагерей, Сталина, старается представить в положительном свете. Если б уж Бушин представил Сталина тряпкой, марионеткой в руках других — это было бы исторически неверно, но хоть имело бы какую-то внутреннюю логику. Но нет, Бушин называет Сталина мощной исторической личностью, храбрым человеком, сильным вождем, прекрасным полководцем. Такой мощный вождь ведь, конечно же, сам отвечал за многомиллионные лагеря, за всю ту мясорубку, по выражению О. Волкова, в которую были ввергнут русский народ, равно как и другие народы СССР. А коллективизация, когда был уничтожен костяк крестьянства, в том числе и русского? И за это отвечал не кто иной, как Сталин. Бушин приводит послевоенный тост Сталина за советский и отдельно русский народ. Этот циничный тост диктатора, перед тем уничтожившего лучшую интеллигенцию, самое здоровое крестьянство, средний слой народа и многих, многих других, мы, русские, любящие русский народ, воспринимали как жуткую насмешку над

русским народом. Бушин же вменяет этот тост в заслугу Сталину и даже пишет, что после этого тоста Сталина стали ненавидеть все русофобы (?!). Ясно проходит через всю статью тенденция вписать Ленина и Сталина в русскую историю. Бушин противоречит тем, кто хочет разделить Ленина и Сталина, используя завещание Ленина. Здесь мы с Бушиным согласны, Сталина трудно отделить от Ленина, но только Бушин ставит обоих под знак плюс, мы же ставим обоих под знак минус. Срыв русской истории в октябрьской революции на стезю интернационалистической идеологии, порвавшей со всеми традициями, беспощадно уничтожавшей памятники и храмы, Бушин старается представить как продолжение русской истории в лице Ленина, хоть и воспитанного в русской культуре, но на нее наплевавшего, и Сталина, так за всю свою жизнь и не научившегося говорить правильно по-русски. Эта тенденция замечается не у одного Бушина: свалить отрицательное на побочные фигуры, на исполнителей, и вписать двух самых страшных палачей в русскую историю. Кому и для какой цели это нужно? Что это, попытка спасти распадающуюся марксистскую идеологию, подперев ее искаженным русским национализмом? Так или иначе – это самое настоящее русофобское действие. В. Бушин – это А. Янов с обратным знаком. Янов выводит большевизм из русской истории и ставит все под знак минус, а Бушин пытается связать русский народ со зловещими фигурами Ленина и Сталина и ставит все это под знак плюс. Но для русского народа Бушин опаснее. Как возражать иностранным и нерусским русофобам, если в журнале, который якобы делает ставку на русский национализм, русский автор привязывает русский народ к двум палачам? Мы недавно поражались тем, что есть грузины, занимающиеся культом Сталина. Неужели, спрашивали мы себя, некоторые грузины гордятся тем, что из их народа вышел величайший палач и массовый убийца нашего столетия? Но если находятся русские, пытающиеся восстановить кульп этого убийцы, то это уж чудовищно.

Одновременно мы должны спросить себя о значении другого события, отмеченного советской прессой. В газете "Московские новости" № 16 от 16 апреля сообщается, что некто Гелий Рябов, автор киносценариев милиционских детективов, уже 10 лет тому назад нашел место, где зарыты тела членов царской семьи и тех, кто были убиты вместе с ними. Рябов тогда не сообщил о своем открытии, т. к. опасался, что останки будут окончательно уничтожены. Теперь же он считает, что времена переменились, но и теперь он, мол, укажет точное место захоронения, где сохранились все скелеты, "только в том случае, если

будет получено разрешение на подобающее людям и христианам погребение казненных. Ведь до сих пор погребения не было". Слова поразительные, особенно поразительно, что Рябов говорит о христианах и подобающем им погребении, стало быть о церковных похоронах. В двух номерах журнала "Родина" обещается более подробное изложение этого события. Не будем здесь обсуждать, возможно ли, что Рябов обнаружил действительные останки царской семьи. Мы этого решить не можем. Но спросим себя, чего хочет достигнуть власть, разрешая эти публикации и интервью, которые Рябов дает иностранным корреспондентам. Неужели есть намерение и тени зверски убитых впрячь в колесницу пропаганды? Но каким образом? Между прочим, Рябов пытается до известной степени выгородить Ленина: "Известно, что Ленин на заседании ЦИК предупреждал – убийство детей ляжет пятном на российскую революцию, сильно скомпрометирует ее во мнении мировой общественности. Тем не менее ЦИК проголосовал за казнь". Вряд ли кто-нибудь поверит, что Ленин покорно подчинился большинству. Ленин не отступал от своего мнения, и он был тогда абсолютным авторитетом в партии. Нет, Ленин сам приказал совершить это убийство. Но если даже мы бы захотели поверить Рябову, то и тогда Ленин никак не оправдан. Даже по словам Рябова он не возражал против убийства детей как такового, он только боялся, что оно ляжет пятном на его революцию. Это лишь тактическое соображение, которое не имеет ничего общего с нравственностью и порядочностью. Мы признаемся, что нам неясно, зачем власти разрешили объявить об этой находке и даже косвенно пообещать достойные похороны. Ведь если это произойдет и место могилы станет известным, то начнется миллионное паломничество, и вряд ли оно обернется поддержкой наследникам убийц. Но, может быть, власть сама не знает, что она делает, и в этом последнем факте проявляется то, о чем говорил о. Глеб Якунин: "Еще в 70-х гг. мы несколько раз обращались к Московской Патриархии и к зарубежным церквам с призывом канонизировать, прославить новых русских мучеников. И по моему глубокому убеждению (это одно из моих центральных переживаний и чувств) – те положительные процессы, которые происходят в нашей стране, и то, что сейчас в политическом и историческом плане происходит, это то, что по существу можно назвать историческим чудом, это есть несомненно влияние новых русских мучеников" (Вестник РХД, № 155, стр. 228). Остается надеяться, что это влияние противостоит и тем силам, которые хотели бы перевести происходящее в линию изначального большевизма Ленина и Сталина.

Д. ШТУРМАН

МАРКСИЗМ И "ПЕРЕСТРОЙКА"

В 1983 году в "Голосе Зарубежья" №28 начала публиковаться серия моих статей о различных социалистических учениях — под общим названием "Человечества сон золотой". В №№37–40 (1985–1986 гг.) эта серия завершилась тремя статьями о марксизме, объединенными под заголовком "Наука или тоже утопия?" Ниже я предлагаю вниманию читателя заключение к этим трем статьям.

Певец российской марксистско-ленинской революции Эдуард Багрицкий, обращаясь к своему современнику, писал о голосе революции как о моральном императиве XX века:

Но если он скажет "солги" — солги!

И если он скажет "убей" — убей!¹

Эти слова прозвучали прежде общеизвестной формулы Гитлера, обращенной к немецким национал-социалистам: "Я освобождаю вас от химеры совести!"

Коммунистические императивы "солги" и "убей" диктовались как будто бы не пре-небрежением к "химере" совести, а именно совестью: преступления против безотносительных заповедей совести (религии) должны были совершаться ради земного спасения и вечного земного же благоденствия человечества. Всего человечества — не расы, не нации, не только класса. На самом же деле призыв Багрицкого и отпущение Гитлера синонимичны: в обоих случаях заведомо насильническая идеология (вождь, век) разрешает переступить через заповеди ради своего торжества.

Друг моей юности, отбывая срок в сталинском концлагере 1940-х годов, заклинал входящего в коммунизм потомка:

В бою солдат не мог остаться чистым,
А ты обязан там, в конце пути,
С запятнанной шинели коммуниста
И кровь, и грязь, и копоть сокреши.

Парадокс и сарказм истории по отношению к искренним фанатикам коммунизма состоят в том, что в применении к ним извечный человеческий спор о цели и средствах не имеет смысла: их цели недостижимы никакими средствами. Жестокие средства всегда угрожают обесмыслить цель; поэтому нравственно здоровые люди стремятся свести их к неизбежному минимуму. Грязные средства убивают цель, казалось бы, чистую. Но перед коммунистами, на самом деле, не стоит вопрос о выборе средств для достижения цели. По мере накопления крови, грязи и копоти на их шинелях и гражданских одеждах — на их совести, по мере роста их кастовых полномочий и привилегий, утопический (привлеченный все окупить) финал их деятельности непоправимо оборачивается пустой и все более преступной риторикой. Столь дорого обходящееся человечеству существование и всевластие коммунистов неминуемо пре-

всевластие коммунистов неминуемо превращается в самоцель.

Различные литературные варианты социализма и коммунизма, в том числе марксизм и большевизм; этиология, становление, социальная анатомия и технология власти тоталитарных идеократий XX века; сопоставление этих режимов с их литературными источниками и (как правило неполными) историческими прецедентами, сравнение их с демократией — исследованы многими авторами. Назову лишь несколько современных книг из этой обширной разноязычной библиотеки:

М. Джилас. "Новый класс".

Б. Д. Бруцкус. "Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта".

Л. фон-Мизес. "Социализм".

Н. Винер. "Кибернетика и общество".

Ф. А. Хайек. "Дорога к рабству" (Нобелевская премия).

М. Фридман. "Капитализм и свобода" (Нобелевская премия).

Р. Конквест. "Большой террор", "Жатва скорби" (последняя — с рядом серьезных оговорок).

Л. Шапиро. "История КПСС".

А. Авторханов. "Становление партократии".

А. Авторханов. "Технология власти".

А. И. Солженицын. "Архипелаг ГУЛАГ".

А. И. Солженицын. "Публицистика, письма и речи" (два тома).

Р. Редлих. "Сталинщина как духовный феномен".

Р. Редлих. "Советское общество".

А. П. Федосеев. "Западня", "Новая Россия. Альтернатива".

И. Ефимов. "Без буржуев".

М. Восленский. "Номенклатура".

М. Геллер и А. Некрич. "Утопия у власти".

Д. Штурман. "Наш новый мир. Теория. Эксперимент. Результат".

Д. Штурман. "Мертвые хватают живых. Читая Ленина, Бухарина, Троцкого".

Все эти книги, кроме работы фон-Мизеса, либо переведены на русский язык, либо написаны и напечатаны на русском языке на Западе. Многие из них и другие западные и эмигрантские работы, близкие по тематике, не могут не быть известными если не членам политбюро ЦК КПСС и прочих компартий, то их референтам, не говоря уже о многих советских интеллектуалах.

В наши дни, однако, надо иметь в виду, что марксистская доктрина завоевывает мир отнюдь не на поприще чистого разума. Обличительную патетику и псевдоконструктивные рецепты и обещания марксизма используют мощные агрессивные структуры с колоссальным пропагандистским, военным и агентурным потенциалом. Их демагогия иконы апеллирует скорее к эмоциям и предрассудкам, чем к разуму. И это они, а не действительная правота или неправота Маркса и Энгельса овладевают человечеством.

В своем предисловии к русскому изданию книги В. В. Леоновича "История либерализма в России" (серия ИРИ) А. И. Солженицын пишет:

"Сегодня, когда уже и на Западе повсюду либерализм потерпел уничтожительное утеснение со стороны социализма, тем более звучны предупреждения автора, что либерализм жив, лишь пока он придерживается эволюционного преобразования уже существующих структур"².

Да, это так — в границах обществ, реальные правящие силы которых допускают подобное преобразование, пусть самое медленное и осторожное, позволяют не ограниченное заранее слишком узкими рамками обсуждение требуемых эволюционных перемен, не исключают свободного гласного диалога между властью и обществом. Таковы, в основном, были обстоятельства в России 1860-х—1910-х гг., хотя не раз в эти годы не только общество своим нетерпением, радикализмом, терроризмом срывало естественный ход событий, но и власть непростительно уклонялась от необходимого диалога и наезревших уступок и действовала с близорукой реактивной насилиственностью или бездействовала. И тем не менее в канун роковых событий февраля 1917 года возможности либерального развития были в России велики и реальны. Общество (во всех своих составляющих) и власть роковым образом их упустили. Страна рухнула сначала в анархию, затем в тотал. Народы, как и отдельные люди, не всегда избирают лучшие из стоящих перед ними возможностей, не всегда их видят.

Тоталитарная диктатура до сих пор нигде не допускала принципиальной системной эволюции своих структур, ибо для нее это означало бы перестать быть самой собой — утратить тотальность всевластия своей верхушки. Обществу же ограничить это всевластие не удавалось. В тоталитарном государстве с его огромным централизованным репрессивным потенциалом сама власть должна пойти на либерализующую эволюцию, чтобы общество обрело возможность мирно восстановить свою нормальную жизнь. Иначе о мирном, без катастрофических потерь и

необратимых разрушений, выходе из нынешнего тупика говорить (почти?) невозможно.

Сегодня вполне закономерен вопрос: кто прав — Солженицын, утверждающий, что спасение народов СССР невозможно без отказа от марксистско-ленинской идеологии, или Горбачев, который продолжает на нее уповать?

Ответ представляется однозначным: прав Солженицын.

Принципиальное обоснование того, почему идеи Маркса и Энгельса не могут привести к положительным для общества результатам, было сделано в советской России достаточно рано. В 1922 году профессор Б. Д. Бруцкус в трех номерах журнала "Экономист" Русского технического общества (Петропавловск) опубликовал замечательное исследование "Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе". По распоряжению Ленина³ журнал был закрыт, Бруцкус — арестован и, вместе с рядом других выдающихся российских ученых, философов и общественных деятелей, выслан в том же 1922 году за границу, где вскоре выпустил свою работу отдельным изданием⁴. Примечательно, что в программах и требованиях руководителей многих крестьянских восстаний 1919—1921 гг., включая тамбовское, ведущие мотивы были тождественны выводам Бруцкуса. Эти его выводы перекликались с экономической платформой восставшего Кронштадта, а также ряда пролетарских антибольшевистских движений. При этом речь не идет ни об идеяных заимствованиях, ни об организационных связях. Суть этого феномена заключается в том, что Бруцкус и его просвещенные российские единомышленники не были одинокими прозорливцами, а крестьянские, матросские, пролетарские антибольшевистские движения и восстания предновогоднего периода являлись не "бессмысленным бунтом", а народным опамятованием. Исследования и выводы выдающегося ученого и эрудита объективно совпали с опытом масс и их разрозненными попытками вырваться из ловушки, в которую они столь безоглядно и готовно втянулись. (В 1930-м году Бруцкус попытается поднять мировое общественное мнение на защиту сорока восемью ученых-экономистов, вскоре бессудно расстрелянных по постановлению ОГПУ. Одним из первых в мире он забьет тревогу по поводу чудовищного истребления крестьянства СССР в начале 1930-х гг. и приподнимет завесу над масштабами этого классоцида. Но его голос будет на долгие годы заглушен западным просоветским хором. Умер Б. Д. Бруцкус в 1938 году в Иерусалиме, где проживают его потомки.)

Ленин не прислушался ни к ученым, ни к массам. Вираж НЭПа представлялся ему

длительным, но времененным тактическим ходом. Об этом непреложно свидетельствует его наследие.

Коммунистические правители СССР несколько раз на протяжении 1921–1980-х гг. вынуждены были констатировать критическое или "предкризисное" состояние своей системы. Но ни разу никто из высокопоставленных официальных критиков тех или иных сторон, лидеров и периодов советского строя и советской жизни не подвергал и не разрешал подвергать сомнению основы марксистского вероучения, хотя, как уже было сказано, эта работа давно идет вне и внутри СССР и располагает неопровергимыми результатами. Сохранение конструктивно злокачественного марксизма в роли официальной и монопольной советской идеологии объясняется тем, что у руководства РКП(б) – ВКП(б) – КПСС не было и нет иного обоснования для своих исключительных полномочий и своего совершенно исключительного положения в обществе, кроме марксистско-ленинского учения. Поэтому, несмотря на историческую и житейскую самоочевидность и многократные научные доказательства неспособности марксизма ни на что иное, кроме создания страшных тоталитарных режимов, правящие или жаждущие власти компартии продолжают цепляться за марксистскую фразеологию – бессодержательную, мертворожденную, но все еще источающую дурманящий яд.

После начала 1921 года, когда Ленин спас летящий в пропасть большевистский режим молниеносным маневром НЭПа, и, может быть, первого полугодия войны с нацизмом, в СССР не было столь кризисной общесистемной ситуации, как нынешняя (начало 1989 года). До так называемых "перестройки" и "гласности" истинная картина состояния и ведущих тенденций советской системы создавалась, в решающей степени, Самиздатом, Тамиздатом, эмигрантской литературой всех трех послеоктябрьских "волн" и западными исследователями. С 1985 года, во все нарастающем объеме и темпе, легальная советская литература и периодическая печать воспроизводят картину такого распада, развала, ускоряющегося скольжения к пропасти советского строя и общества, что в плане фактическом нéчего и нéзачем к этому добавлять. Тем не менее свободный и неурезанный *анализ* этой картины остается, по-прежнему, вне возможностей легальной "гласности". Печатноречевая продукция "верхов" и конформичных по отношению к ним слоев и лиц бесконечно манипулирует словами-пустотами, словами-оборотнями ("застой", "культ личности", "деформации социализма", "перестройка", "гласность", "ленинский путь", "демократический социализм", "правовое государство", "социалистический плюрализм", "власть со-

ветов", "пролетарский интернационализм" и т. д., и т. п., им же несть числа), не несущими либо никакого реального содержания, либо способными наполниться любым содержанием – по указанию власти.

Никто ни разу не заявил *свыше, официально*, четко и однозначно, *ЧТО во ЧТО* следует *перестраивать*. Поэтому бессмысленно невнятное бормотание власти и ее "порученцев" о том, *КАК* это неопределенное "нечто" в иное, но при этом не более определенное "нечто" надобно практически преобразовывать. Недаром в анекдотном фольклоре 1986–1988 гг. за Горбачевым закрепилось прозвище "безалкогольная бормотуха". "Бормотухой" в СССР называют дешевые крепленые (весьма токсичные) вина. Эпитет "безалкогольная" связан с провалившимся походом против алкоголизма. Пристрастие к спиртному вплотную приблизило народы СССР к моральному и генетическому вырождению, но привить им трезвость в приказном порядке не удалось. Все прозвище вместе весьма точно оценивает реформизм Горбачева.

Ясность в *первом* вопросе (*ЧТО во ЧТО* следует *перестраивать*?) проскальзывает в подтексте, фрагментарно, пунктиром в легальной прессе и все чаще встречается во все более четких формулировках во внутренней независимой ("Гласность", "Референдум", "Выбор" и др.) печати. Но последняя не имеет к массовому читателю внутри Советского Союза достаточно широкого выхода, как и печать зарубежная. Ясности же во *втором* вопросе (*как* *перестраивать*?) практически нет ни у кого нигде: все мало-мальски конструктивные предложения упираются в необходимость согласия власти с этими предложениями, а власть априори оставляет вне рассмотрения и обсуждения все проекты, принципиально посягающие на марксизм-ленинизм, на монопартию – на социализм. В пределах же этого строя выхода нет. Между тем, как уже было сказано, даже официальные средства массовой информации воспроизводят картину все более страшную и бесперспективную. Разносторонне *дестабилизирующие* эффекты этой картины ("гласности") стремительно нарастают – ее *конструктивный* эффект ("перестройка") равен пока что нулю – прежде всего из-за упорства власти в ее марксистской социалистической позиции.

Невозможно предугадать, что будет завтра. Но в начале 1989-го года, когда пишутся эти строки, автору видится только одна, крайне проблематичная, но все же возможность для народов СССР избежать катастрофы. Начало спасительного процесса хоть как-то можно себе представить только в форме абсолютно правдивой *правительственной* декларации о несостоятельности марксизма, о неустранимых

пороках социализма, об истинном положении дел в стране в экономическом, экологическом, демографическом, нравственном, межнациональном, внутриполитическом, внешнеполитическом и всех прочих существенных аспектах.

Такая декларация могла бы только наметить главные цели предстоящих преобразований, но цели не демагогические, не палиативные, не обусловленные фразеологией марксизма-ленинизма и кастовыми задачами самосохранения партократии, а по-настоящему конструктивные.

Может быть, она положила бы начало взаимной лояльности, взаимному доверию и сотрудничеству власти, общества и всех народов СССР, без чего невозможны не только сами спасительные преобразования, но и предварительная обнадеживающая разработка их реальной программы.

Страшный опыт России показывает, с одной стороны, что необходимость в преобразованиях нельзя игнорировать бесконечно. С другой стороны, этот опыт доказывает не менее убедительно, что, как это ни парадоксально, чем глубже должны быть преобразования, тем более необходима для их успеха стабильность преобразуемой системы.

Если надо изменить планировку квартир, изолировать их друг от друга, провести в них горячую воду, электричество, газ, пристроить балконы, и пр., и пр., — нельзя начинать со взрыва дома. Правда, дом можно довести и до такого состояния, когда ремонт уже невозможен, а переселяться некуда. И жильцы так озлоблены, что готовы взорвать: кто — дом, кто — соседнюю "коммуналку" в том же доме.

Эта аналогия не претендует на полноту, но какое-то представление о проблеме дает. Кремлю очень легко использовать это сравнение демагогически, потребовав от жильцов терпения и ничего радикального не предпринимая для их спасения. Но тогда дом обрушится и на лгущих, и на обманутых, и на прозорливых.

Преобразование социализма в удовлетворительно свободное и правовое общество возможно (если еще возможно) только при достаточной радикальности перемен, но и при сохранении нормальной устойчивости человеческой жизни в условиях этих перемен, и при обеспечении внешней безопасности без всяких экспансионистских и оккупационных синдромов.

Внутренние межнациональные проблемы СССР тоже крайне сложны и не только взрывоопасны, но уже провоцируют кривополитие и верховный террор. Эскалация и того и другого более, чем реальна, и может заведомо исключить благополучное

разрешение всех прочих аспектов кризиса. Готовность к переменам, взаимопонимание и осторожность со стороны и власти, и всех народов СССР здесь не менее необходимы, чем в плоскости социально-экономической.

Тоталитаризм ужасен не только сам по себе. Он ужасен еще и тем, что из окостеневшей и устоявшейся тоталитарной ситуации, тем более — многонациональной, нет легкого и быстрого выхода.

Тоталитарные экономические отношения не допускают существования и развития в своих границах преемственных и более рациональных, чем существующие, хозяйственных форм и связанных с ними классов. Тоталитарный правящий класс не терпит развития в подвластном ему обществе других, потенциально более дееспособных руководящих сил и структур. Пресечение эволюции и вымораживание в обществе всего способного ее оживить, умерщвление в людях всего, кроме исполнительности, — вот идеал тоталитаризма. И не его вина, что он не может этого идеала достичь. В такой динамической, бесконечно многообразной, непредсказуемой системе, как большое сообщество живых людей, подчинить себе все можно только в романе — антиутопии, но не в реальности. Но эволюционировать мирно в нечто себе не тождественное такая система без согласия власти не может, как не может и длить свою экспансию — деградацию вечно. А взрыв принесет ужасающие последствия.

До сих пор (1918–1989) в Советском Союзе все действия правящих, независимо от их субъективных и объективных обоснований, диктовались, в конечном счете, задачей сначала завоевать, а затем сохранить власть, то есть систему, вне которой такого характера власть невозможна. Пусть нам доказывают с любой степенью убедительности, что Ленин хотел сохранить монопартократическую систему, а Сталин — власть. Суть в том, что такого рода систему, в принципе неспособную выполнить свои исходные обязательства перед народом, иначе как с помощью такой власти, totally насилиющей и лгущей, сохранить нельзя. До сих пор "прижимали", чтобы сохранить власть (систему) и "приотпускали", чтобы сохранить власть (систему). Циклы повторялись несколько раз. Но беговая дорожка, по которой, как лошадь на корде, семьдесят лет коммунисты гоняют народы СССР, не круг, а спираль. И спираль эта ведет не вверх, а вниз, в присподнюю.

Чего хочет, в действительности, нынешнее руководство КПСС?

Очередной раз "сделать 'веревку' более свободной, не разрывая ее, 'отпустить' 'полегче'"⁵ изнемогающее, теряющее терпение

общество? Или помочь ему сойти со смертельной спирали – не в пропасть, а в нормальную жизнь?

Боюсь, что первое предположение вероятней. Тем более, что для реализации второго необходим не один (допустим даже, что и прозревший, и не вполне одинокий) лидер, а единство воли правящих сил всех трех решающих иерархий (партия – КГБ – армия). Большинство наблюдателей и аналитиков считают, что такого единства нет. Палиативное "приотпускание" на "более свободной веревке" в наши дни существенно отличается от основных предыдущих (НЭП и послесталинская "оттепель"). В 1921 году еще физически и духовно существовало крестьянство со всеми его традициями, на выками, критериями, целями. Его надо было только оставить в покое, разжать душающую руку. Перед лицом всенародного восстания и полной хозяйственной разрухи на это решились. После 1953 года одна только замена тотально-каннибального террора эпизодически-выборочным и некоторое облегчение страшной жизни деревни возродили надежду и обусловили временную ремиссию экстенсивной социалистической экономики. Неслучайно и сегодня поощряется соотнесение всего и вся со сталинщиной – со временем,

уже которого ничего придумать нельзя, если при этом старательно забывать о 1917–1922 годах, т. е. о ленинщине. Сегодня крестьянства нет, резервы экстенсивного экономического развития близятся к исчерпанию, а второй информационный бум (мощнее "оттепельного") скачкообразно повысил в обществе осведомленность о положении дел и понимание его первопричин. Невозможно избавиться от впечатления, что надолго уже не отсрочит куда более острого кризиса, чем нынешний, ни очередное "приотпускание" на "более свободной" веревке, ни новая волна террора. А террор неизбежен, если власть не решится позволить и помочь народам СССР покинуть их нынешний путь в тупик. Но террор не замедлит, а ускорит вырождение хозяйства, власти, природы, морали. Он лишь еще более нагнетет напряжение. Можно бы, вслед за многими пишущими, утешать себя тем, что иного пути, кроме действительной, непрятворной перестройки тоталитарного общества в открытое и цивилизованно-правовое, у нынешнего СССР нет. Но, увы, как в частной, так и в исторической жизни далеко не всегда избираются единственно-спасительные возможности.

И все-таки – да не покинет нас всех надежда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Э. Г. Багрицкий. Поэма "ТБЦ" (1929 г.). Двухтомник "Советская поэзия", т. 1, с. 269. "Б-ка всемирной литературы". Изд-во художественной литературы. М., 1977.
2. В. В. Леонович. История либерализма в России. Сер. ИНРИ. Изд-во "ИМКА-Пресс", Париж, 1980 (Воспроизведено по собр. соч. А. И. Солженицына, т. 10, с. 461. Изд-во "ИМКА-Пресс", Вермонт – Париж, 1983).
3. В. И. Ленин. ПСС, т. 54. Док. 421, с. 265–266.
4. Б. Д. Бруцкус. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. Изд-во "Тритемис", Берлин, 1923. В 1988 г. переиздано отдельной книгой с комментариями В. Сорокина и послесловием Д. Штурман изд-вом "Поиски", Париж.
5. В. И. Ленин. План речи о замене разверстки налогом (1921 г.). ПСС, т. 43, с. 392. Курсив и разрядка Ленина.

В. ПИРОЖКОВА

ОЧЕРЕДЬ ДОХОДИТ ДО ЛЕНИНА

Сорок страниц в "Новом мире" опубликовал Игорь Клямкин, чтобы сказать очень простую вещь, которую можно выразить одной фразой: в хозяйстве надо вернуться к той системе, которая существовала в России до революции. Немецкая пресса широко отметила статью И. Клямкина "Почему трудно говорить правду. Выбранные места из истории одной болезни". (Н. М. № 2, 1989 г.), т. к. в ней осторожно затрагивается Ленин и военный коммунизм обозначается началом длительной болезни.

Для этого Клямкин оговаривает, что редакция с его статьей не совсем согласна и

предваряет собственное содержание своей статьи длинным экскурсом в историю партии, стараясь объяснить, каким образом старые члены партии, до революции якобы следовавшие своим убеждениям и своей совести, пожертвовали своей совестью принципу единства партии. Автор указывает на то, что в партии требовалось не только подчинение партийной дисциплине и решению большинства при сохранении своего мнения, но требовался отказ от этого своего мнения. Иными словами, требовалось отказаться от совести, своей личной совести, и признать партию совестью. Хотя Клямкин указывает на то, что принцип

единства партии утвердил еще Ленин и еще при нем этот принцип восторжествовал над принципом внутрипартийной демократии, он все же пытается несколько обелить Ленина: при нем, мол, жертвовать совестью еще не требовалось. Требовалось лишь внешнее подчинение партийному решению, а не внутреннее его принятие, как это стало при Сталине. Мы здесь готовы понять осторожность Клямкина, но известно, что Ленин заложил основы всего, что потом развилось и углубилось при Сталине. Впрочем, в дальнейшем и Клямкин этого не отрицает.

Совершенно справедливо Клямкин указывает на то, что жертва невиновными ради какого угодно великого идеала ведет последовательно к тому, к чему и пришли в СССР. Сославшись на знаменитый вопрос Алеша, заданный Ивану об одном невинном ребенке, приносимом в жертву мировой гармонии, Клямкин пишет: "Согласившись однажды с тем, что для пользы дела целесообразно осудить хотя бы одного невиновного человека, переступив эту черту, мы сразу попадаем в мертвую лагерную зону, где нет никаких юридических и моральных запретов, нет правых и виноватых, есть только отбывающие наказание и кандидаты на эту роль. Там, где признается оправданным хотя бы одно человеческое жертвоприношение, там нет никаких препятствий и для второго, третьего, стотысячного, двухмиллионного: включенную душегубку нельзя остановить. Сегодня ты подписываешь смертный приговор, завтра его выносят тебе, как вынесли в свое время тому же Крыленко. И нет никакой видимой логики в этом отборе жертв. И ничего, что могло бы тебя защитить, — ни убеждения, ни должности, ни знания, ни заслуги, ни влиятельные родственники, ни болезнь, ни старость. И нелепо жаловаться на несправедливость и доказывать кому-то свою независимость — все это вещи из другого мира, тут они выглядят предрассудками, тут лишь два исхода: либо признайся, что ты родился шпионом и вредителем, либо уходи из жизни сам" (стр. 207).

Это — сильные слова. И Клямкин очень хорошо показывает, как партия делает себя неподсудной никому и ничему, как выжигаются последние остатки правды. Клямкин указывает на роман А. Рыбакова, где описано, как Киров якобы ищет причины все заливающей лжи и находит ее в личности Сталина, но это неудовлетворительный ответ, а удовлетворительного ни Киров, ни автор, т. е. Рыбаков, не находят. Клямкин говорит им: они ищут его не там, где надо. "Вступая в диалог с Сергеем Мироновичем и зная все, что было потом, мы должны сказать ему и себе: при партийно-государственной монополии на информацию, когда в неправде некому

уличить, разумной меры у лжи нет и не может быть" (стр. 207). Добавим от себя: уже и тогда можно было знать многое, а Киров сам участвовал и во лжи, и в расправах, и не как рядовой, а как один из инициаторов. Все это — еще жалкие попытки обелить хоть каких-нибудь "рыцарей революции", пользуясь их ранней и иногда насильственной смертью. На самом же деле, "рыцари революции" в "белоснежных одеждах" — это фантомы. Все они запятнаны кровью. Но для советского журнала, даже в эпоху гласности, Клямкин идет далеко. Клямкин пишет: "При тоталитарном, недемократическом режиме даже капля лжи — это очень много. Мы и сами знаем теперь, как быстро капля превращается в море, на дне которого оказываются погребенными самые великие победы. Мы знаем, как из простого умолчания и небольшого вроде бы преувеличения вырастает ложь доносов, обвинений и признаний, ложь о прошлом, настоящем и будущем, о том, что по ту и по эту сторону границы" (стр. 208).

Капля лжи ведет к целому морю лжи. Да, но о какой капле говорит Клямкин? Например, о несправедливой казни специалистов, предполагая, что Крыленко, выносявший приговор, знал, что они лично не виноваты, но считал не лишним "припугнуть" старорежимных специалистов. Говорит он подробно и о партийном требовании отречься от своих мнений, обращенном к внутрипартийной оппозиции. Все это дурно и страшно, особенно казнь ни в чем не повинных людей. Но ведь и прежде бывали такие вещи и не только как судебные ошибки, но и как сознательное "припугивание" несогласных жертвой невиновных. Да не поймут меня неправильно, я имею в виду не последние десятилетия перед революцией и не обязательно Россию, но разные эпохи истории человечества. И было это и тогда плохо и опасно для развития данного общества, но почему-то все же не повело к такому тотальному провалу. Несправедливости, ложь, зло никогда не исчезали из гречной человеческой жизни, но никогда не исчезали полностью право, справедливость, истина, хотя бы сознание, что эти ценности существуют. Отчего же все они ушли в другой мир? "Нелепо жаловаться на несправедливость и доказывать кому-то свою невиновность, — все это из другого мира", — пишет Клямкин. Что же увело все эти понятия в другой мир? При тоталитарной диктатуре, когда некому поправить ложь, капля лжи разрастается в море лжи, так пишет Клямкин. Но спросим дальше: на чем же выросла эта тоталитарная диктатура? На чем выросло однопартийное тоталитарное государство? На чем выросло сознание, что партия стоит над законом и не может быть

судима? Дадим ответ, которого не дает Клямкин: на идеологии. Все это выросло из идеологии, из марксизма-ленинизма. Эта идеология рассматривает человека как функцию материи и тем самым отрицает всякую нравственную основу человеческого общества. Эта идеология принципиально боролась с самого начала против христианства и всех других религий, включающих в себя нравственный закон. Не просто из капли лжи выросло море лжи, а на широкой основе идеологии, лживой по принципу, возникли капли лжи. Эта широкая идеологическая основа по самому своему существу лживая, пропотела каплями лжи, которые потом слились в целое море. И не разделаться с этой ложью до тех пор, пока эта идеология будет признанной основой общества. До тех пор это общество будет болезнью.

Но этого сказать Клямкин еще не может. Понимает он сам это и только еще не решается высказать или он и в глубине души еще не понимает настоящей причины болезни общества, мы не знаем. Но поистине: трудно говорить правду. Однако, если эта правда, вся до конца, не будет сказана, общество не выздоровеет.

Клямкин в первой части своей статьи сказал все же много. Он также весьма скептически относится к возможности реформации системы. Когда появится для нее опасность, то и самые честные люди могут возобновить движение по наклонной плоскости лжи. "К таким поворотам судьбы надо быть готовым. А быть готовым — значит, помимо прочего, усвоить раз и навсегда: ни одной серьезной проблемы Административная Система разрешить не может и не сможет, и пока она не сломана, источник лжи сохраняется. Потому, находясь внутри нее, правду говорить очень трудно, а в сложные для системы минуты просто невозможно. Объяснить, что полная правда от нее и ее служителей исходить не может, — это и значит говорить правду. Это только и значит идти вперед, глядя дальше тех границ, внутри которых позволено действовать реформатору Административной Системы" (стр. 217). Клямкин пишет очень смело и идет далеко. И все же и это еще не полная правда: нужно сломать не только административную систему, но и отбросить идеологию — вот полная правда.

В дальнейшем И. Клямкин развивает мысль, что обмануть весь народ нельзя, если у него нет готовности к самообману. И тут начинается самая спорная, по нашему мнению, часть его статьи. Он, конечно, прав, что поначалу нужна готовность к самообману. Но мы думаем, что он слишком далеко заходит, приписывая народу постоянную готовность к самообману.

Отметим сначала то, что опять-таки считаем вполне верным и очень важным в статье Клямкина. Он возводит весь ужас советской системы, в том числе и сталинщину, к эпохе военного коммунизма, т. е. к Ленину. Он пишет, что военный коммунизм был чисто военной стратегией борьбы с народом, созданной военным же стратегом Л. Троцким, но Ленин его одобрил. Стало быть, ответственность падает на обоих и, конечно, на многих и многих более мелких исполнителей. Stalin, по мнению Клямкина, ликвидировал НЭП, вернулся к военному коммунизму, чего, собственно говоря, хотел и Ленин. НЭП Ленин ввел, испугавшись восстаний крестьян, рабочих и, особенно, Кронштадтского восстания. Но отчего же, спрашивает Клямкин, первый военный коммунизм вызвал ряд восстаний, а его возвращение в виде насилиственной коллективизации не вызвало таких серьезных восстаний, которые бы потрясли страну и испугали Сталина, как те восстания испугали Ленина? Клямкин считает, что народ терпел военный коммунизм, пока шла гражданская война, когда же стало ясно, что никаких врагов больше нет и что нет необходимости напрягать все силы для преодоления врага, люди восстали против искусственного голода. Когда Stalin решил положить конец НЭП'у и восстановить психологию военного коммунизма, он выдумал искусственных врагов: вредителей, диверсантов, шпионов, капиталистическое окружение и пр. И он, мол, создал новый энтузиазм, засветив свет в конце туннеля, т. е. заявив, что надо немного поднажать и будет построен социализм, когда всем будет хорошо. Он якобы побудил людей жить для будущего, жить в бараках, на стройке и мечтать о социализме. Когда приканчивали деревню, город был якобы полон энтузиазма.

Читая и думая: откуда Клямкин взял все это? Из романов сталинского времени? Так они писались по "социальному заказу" и описывали то, чего не было. Поэтому о времени гражданской войны есть еще какая-то литература, т. к. тогда еще были люди, верившие в революцию и будущий социализм, у писателей были еще жизненные прототипы, но в сталинское время все эти воодушевленные строители социализма существовали лишь в романах, которые Ф. Степун справедливо называл пропагандной макулатурой. Не будем спорить, вероятно, были такие комсомольцы, как Саша Панкратов в "Детях Арбата" А. Рыбакова, но они не были типичны, как нас стараются уверить некоторые журналисты из третьей волны и некоторые советские журналисты. При Stalinе господствовал не великий энтузиазм, а великий страх. Отчего не было таких восстаний, как при военном коммунизме, спраши-

вает Клямкин. Да оттого, что аппарат власти невиданно укрепился, оттого, что террор возрос, оттого, что вся страна была пронизана системой доносительства, вот отчего. Когда крестьянское сопротивление возникало (а оно возникало), его подавляли с чудовищной жестокостью и оперативностью.

Конечно, Клямкин прав, что в верхних и отчасти средних этажах власти (но именно власти) склонны были думать просто: "что хорошо, добыто режимом, что плохо — происки врагов" (стр. 227). Клямкин пишет, что это — "сталинская логика" и "она была близка и понятна многочисленному слою людей на верхних и средних этажах системы, выдвинувшихся благодаря своим заслугам в гражданской войне и убежденных, что раз Перекоп можно было взять штурмом, то все прочие проблемы уж во всяком случае не сложней и не решаться они могут лишь из-за наличия "контрь" (стр. 227). Да, был такой слой, и он цеплялся за власть, но он был совсем не таким уж многочисленным. Широкая же масса крестьян, настоящей интеллигенции, да и рабочих так не думала. Что же касается до утверждения Клямкина, что массы жили лишь мечтой о будущем и даже не стремились к быту, то пусть он почитает хоть того же А. Н. Толстого о том, как был почти сразу же после окончания гражданской войны захватил именно тех, кто вышел в верхние и средние этажи. Нет, вся эта картина И. Клямкина представляется нам довольно фантастичной.

Клямкин идет даже дальше, он считает, что и при Хрущеве был еще энтузиазм: целина, кукуруза, вера в обещание, что через 20 лет будет уже построен коммунизм. Насколько мы знаем, известный подъем и надежды при Хрущеве возбудила тогдашняя гласность и обещания либерализации экономики, а когда выяснилось, что настоящих, коренных перемен не предвидится, наступила снова резигнация.

Впрочем И. Клямкин сам проговаривается: упоминая о новом энтузиазме при Хрущеве, он пишет: "Почитайте газеты начала 60-х гг. и вы, быть может, подивитесь тому, как старались журналисты доказать, что в Сибирь едут не за длинным рублем, а за туманом и запахом тайги, с одной стороны, и ради того, чтобы внести свой вклад в общее дело и принести пользу людям — с другой" (стр. 235). Вот в том-то и дело! Журналисты старались нас уверить, что был энтузиазм при Сталине — а зачем бы тогда понадобились многомиллионные концлагеря с бесплатной рабочей силой заключенных? Журналисты старались уверить, что при Хрущеве едут в Сибирь не за длинным рублем, а ради романтики или энтузиазма строительства коммунизма. Часть выехавших теперь за

границу советских журналистов все еще хочет нас уверить, что даже при Сталине была романтика (например, В. Перельман) — о да, журналисты и макулатурные писатели как сталинского, так и хрущевского времени пытались создать атмосферу энтузиазма и романтики. Да, мы и в сталинское время читали об энтузиазме, но мы его вокруг себя не видели. И вот об этом еще надо сказать правду и в самом СССР, а не только в эмиграции. А правду говорить еще очень и очень трудно. В этом И. Клямкин прав.

В последней главе своей статьи И. Клямкин снова выходит на правдивый путь. Главу он назвал: "На пороге духовной революции" — и пишет в ней снова очень смелые вещи. Процитируем некоторые места: "Перестройка должна заменить безличное "надо" личным "хочу" не только в быту, но и на работе. Иначе она ничего не перестроит. Это значит, что предстоит ломка всей системы ценностей, всей военно-коммунистической идеологии стимулирования, доставшейся нам от сталинской поры. Ломка, а не очищение" (стр. 236). Напомним лишь (снова), что не только сталинской. Горько звучат слова И. Клямкина: "Каждая страна по-своему вступает в современную цивилизацию, каждая обретает свое неповторимое лицо. И вот эту-то свою дорогу и свой вариант нам предстоит отыскать. Задача уникальная по своей новизне и оригинальности — ведь никто и никогда еще не пробовал вводить развитые товарно-денежные отношения в обществе, где несколько десятилетий существовал военно-коммунистический режим, только потому и утвердившийся, что он уничтожил товарное производство и рынок. Мы на пороге духовной революции не только глубокой, но и своеобразной, которая потребует от нас не только предельного напряжения, но и подлинного творчества" (стр. 337).

Кончает И. Клямкин свою статью так: "Перестройка — это слом Административной Системы, это формирование современного работника, современной экономики, создание демократической политической системы. И оптимизм может стать чем-то устойчивым и прочным, когда люди увидят, что это, впервых, возможно, а во-вторых, что жизнь становится лучше, чем была.

Пока оснований для такого оптимизма не очень много. Поэтому по-прежнему так трудно говорить правду. Поэтому она остается символом и лозунгом перемен" (стр. 338).

Да, надо говорить правду. И мы не думаем, что ее надо говорить осторожно и небольшими порциями. Мы понимаем, что многие должны так поступать, и считаем важным и полезным хотя бы и постепенное высказывание правды, хотя бы и отрывочное. Мы понимаем, что она еще часто сопровож-

дается ложью. Так, например, критика времени Сталина сопровождается заявлениями, что при Ленине было иначе. Поэтому мы рады, что дело дошло и до Ленина, хотя бы вот в этой статье И. Клямкина, хотя еще и осторожно. Менее осторожно пишет В. Солоухин. Кое-что было напечатано даже в СССР, другое пока еще лишь за границей.

Эмигрантами было много написано правды о Ленине. Мы указываем здесь лишь на последнее, что вышло, на книгу Д. Штурман "В. И. Ленин", ИМКА-ПРЕСС, Париж, 1989 г. Она частично печаталась в "Г.З." в №№ 2, 13. Но мы считаем чрезвычайно важным, что в СССР возник автор, который совершенно

откровенно пишет о Ленине, хотя он еще не все может печатать в самом СССР. Один из этих материалов, напечатанный в СССР, был уже перепечатан некоторыми органами зарубежной прессы, но мы считаем его настолько важным, что перепечатываем в свою очередь. Другой был автором послан на Запад и пока напечатан в одном органе зарубежной прессы, из которого мы и перепечатываем. Еще мы присоединяя небольшой рассказик того же автора, напечатанный в СССР, где кратко намечается та же программа, о которой думают все положительные силы на нашей родине. Мы надеемся, что наши читатели найдут эти перепечатки оправданными.

В. СОЛОУХИН

ЛЕНИНСКИЕ МЫСЛИ И ВЗГЛЯДЫ

Из готовящейся книги В. Солоухина "Последняя ступень"

Сколько раз в разных официальных кабинетах, у главного редактора журнала, скажем, у секретаря райкома, в облисполкоме, в застекленных шкафах я видел ровные темно-бордовые и темно-синие ряды книг, к которым и подходить близко было не нужно, чтобы сразу отметить — Ленин. Знали уж собрания его сочинений, узнавали издалека по внешнему виду безошибочно, как, взглянув на тот же Мавзолей на Красной площади, никто не спутает его с каким-нибудь другим зданием. Держать собрание сочинений Ленина каждому большому начальнику (директору завода, генералу какому-нибудь) считается не то чтобы обязательно... но как-то солидно и впечатительно: письменный стол с телефонами, а около боковой стены застекленный шкаф с томами Ленина. Много их стоит у разных людей, в разных кабинетах, но не многие Ленина читали. Если же кружки по изучению первоисточников, паручеба и семинары, то как-то так получается, что начинают все время с ранних работ: "Материализм и эмпириокритицизм", "Что делать", "Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов". Пока обучающиеся проредутся сквозь философские дебри этих работ, пока конспектируют, глядь, а семинарский год уже кончился, так что ни на одном семинаре, ни на одной паручебе, никогда дело не доходит до поздних его томов, до того времени, когда кончается философия и начинается практическая деятельность.

Взглядывая на эти тома в кабинете кого-нибудь из своих достигших официальных высот друзей, я бывало ловил себя на мысли, что не читал Владимира Ильича и теперь уж, слава Богу, пожалуй, никто и никогда не сможет меня заставить прочитать эти книги.

То ли от этого "эмпириокритицизма" осталось, что напичканы эти тома сухой, схоластической, неудобовоспринимаемой материей, но помню, я всегда удивлялся, если видел человека, читающего Ленина.

— А ты почитай, — скажет иной такой человек. — Ты почитай, знаешь, как интересно!

Но часто бывает, что маленький, незначительный эпизод вдруг заставит взглянуть на вещи по-новому, другими глазами, когда вдруг увидишь, чего не видел раньше, и станет интересным, даже жгуче интересным то, что казалось скучным.

Один читатель, пытаясь внушить мне в своем письме какую-то (не помню уж теперь) мысль о первых днях революции, написал: "А вы откройте Ленина, т. 36, пятое издание, стр. 269 и прочтайте, что там написано".

Нельзя сказать, чтобы я тотчас бросился открывать том, да и не было его у меня под руками, потому что дома я никогда Ленина не держал. Однако том и страница запомнились, и однажды на заседании редколлегии в одном журнале я оказался около шкафа с книгами. Пока говорились там умные речи и обсуждались планы, я вспомнил про наущение читателя и, потихоньку приоткрыв дверцу шкафа, достал нужный том. Наверное, еще подумали мои коллеги, что я собираюсь выступать с речью и хочу вооружиться необходимой цитатой, а я сразу, сразу на стр. 269. Сточки ведь указаны не были, так что мне пришлось прочитать всю страницу, и я сразу понял, о каких именно строчках шла речь в письме.

"Я перейду, наконец, к главным возражениям, которые со всех сторон сыпались на мою статью и речь. Попало здесь особенно лозунгу "Грабь награбленное", — лозунгу, в котором, как я к нему не присматриваюсь,

я не могу найти что-нибудь неправильное... Если мы употребляем слова "экспроприация экспроприаторов", то — почему же нельзя обойтись без латинских слов?" (Аплодисменты).

Я и раньше слышал, будто существовал такой лозунг в первые же дни революции и что будто бы он принадлежал лично Владимиру Ильичу. Но тогда я думал, что он существовал по смыслу, по сути, а не в обнаженном словесном оформлении, и теперь, должен признаться, меня немного покоробила откровенная обнаженность этого лозунга. Прочитанные строки были взяты из заключительного слова по докладу "Об очередных задачах советской власти". Времени было еще много, заседание редколлегии еще только началось, я стал листать оказавшийся в моих руках том и очень скоро понял, что листанием тут не обойдешься, что надо его внимательно прочитать.

Теперь я хочу сделать для возможного читателя моих записок извлечения из этого тома, как я делал извлечения, скажем, из Метерлинка или Тимирязева, когда писал о траве. Извлечения на свой вкус, разумеется. Другой, возможно, выписал бы другие места, другие мысли... Впрочем, нет, мысли не другие, ибо и те, и другие мысли были бы ленинскими. А известно, насколько единым, целостным и целеустремленным был Владимир Ильич в своих мыслях.

Почему именно из этого тома? Только ли потому, что он первым случайно оказался у меня в руках? Не только. Я, если и не прочитал от строки до строки, то просмотрел потом многие тома. Но очень уж интересный и острый период — с марта по июль 1918 года, то есть с пятого по десятый месяц нахождения у власти, с пятого по десятый месяц управления Россией, столь неожиданно для них самих оказавшейся в руках большевиков. Нет, полной неожиданности, конечно, не было. Теоретически они готовились к этой власти и к этому управлению. В статье "Сумеют ли большевики удержать власть", написанной еще до Октябрьского переворота, были Владимиром Ильичом Лениным заранее предопределены многие действия и акции, которые в обозреваемый нами период стали осуществляться практически. Выпишем из той, еще предреволюционной, статьи главный ленинский тезис, главную мысль.

"Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность является в руках пролетарского государства, в руках полновластных советов самым могучим средством учета и контроля... Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление, нам этого мало.

Нам этого мало. Нам надо не только запугивать капиталистов в том смысле, чтобы чувствовали всесилье пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и пассивное, несомненно еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломать какое бы то ни было сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационных государственных рамках.

И мы имеем средство для этого... Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность".

Значит, схема ясна. Сосредоточить в своих руках весь хлеб, все продукты (учет), а затем распределять эти продукты так, чтобы за хлебную карточку человек, оголодавший и униженный голодом, пошел бы работать на советскую власть и вообще делал все, что прикажут. Гениально и просто, как все у Ленина. Разница с последующей статьей "Очередные задачи советской власти" состоит в том, что в первом случае (до взятия власти, когда только еще мечталось) делал упор на то, что путем голода (путем учета и распределения) будут принуждать работать богатых, чье сопротивление якобы надо сломить, а во втором случае, когда власть уже была взята, зазвучали иные нотки.

"От трудовой повинности в применении к богатым власть должна будет перейти, а вернее одновременно должна будет поставить на очередь задачу применения соответствующих принципов (то есть трудовая повинность и принуждение — В. С.) к большинству трудящихся рабочих и крестьян" (т. 36, стр. 144).

Так что же осуществилось в стране: власть рабочих и крестьян или всеобщая трудовая повинность для рабочих и крестьян? А если это так, то чья же власть? Дальнейший абзац о трудовом народе в связи с трудовой повинностью для него поразил меня своим откровением.

"Для нас не представляется безусловной необходимости в том, чтобы регистрировать всех представителей трудового народа, чтобы уследить (!) за их запасами денежных знаков или за их потреблением (кто сколько из них съест — В. С.), потому что все условия жизни обрекают громадное большинство этих разрядов населения (почему бы не сказать классов, а, Владимир Ильич? В том числе и класса, осуществляющего диктатуру? — В. С.) на необходимость трудиться и на невозможность скопить какие бы то ни было запасы, кроме самых скучных. Поэтому задача восстановления трудовой повинности в этих областях превращается в задачу установления трудовой дисциплины".

Значит, действительно, с рабочими проще, чем с богатыми. У богатых сначала надо

отнять запасы, а потом уж можно морить их голодом. У трудящихся же никаких запасов нет, отсиживаться им не с чем, надо идти трудиться, исполнять трудовую повинность, хотя и опричь души, потому что подчеркнутый насильтственный характер будущего труда при советской власти рабочие почувствовали с первых дней. Признает это и Владимир Ильич.

"Целый ряд случаев полного упадка настроения и полного упадка всякой организованности был совершенно неизбежен. Требовать в этом отношении быстрого перехода или надеяться на то, что перемены в этом отношении можно достигнуть несколькими декретами, было бы столь же нелепо, как если бы призывами пытались придать бодрость духа и трудоспособность человеку, которого избили до полусмерти" (стр. 145).

Не правда ли — откровенно! Значит, призывами трудоспособность не вернешь. А чем же?

"Для учета производительности и для соблюдения учета необходимо устроить промышленные суды".

Это уже что-то новое! Этого не знали, конечно, при проклятом царском режиме. Если бы при царе ввели вдруг на заводах промышленные суды, представляю себе, на каких фальцетах завопили бы об этом друзья пролетариата и все вообще революционеры. А как бы завопили они, если бы, ну, Столыпин, скажем, выступил со следующей тирадой... Но выступил с ней, увы, не Столыпин, а Ленин, когда власть находилась уже у него в руках. Читайте.

"Что же касается карательных мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже. Необходимо карать вплоть до тюремного заключения. Увольнение с завода также может применяться, но характер его совершенно изменяется. При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже уголовное преступление и за это должна быть наложена определенная кара".

Вот так. Там, где при царе-батюшке можно просто уволить (а сколько волей, а то и забастовок было по этому поводу), теперь одного увольнения мало. Теперь — тюрьма. Что и наблюдали мы в исполнение ленинских заветов, особенно в предвоенные годы, когда за двадцатиминутное опоздание на работу люди уходили в лагеря и там гибли.

Но в стране вроде диктатура пролетариата. Как же сочетать, с одной стороны, его диктатуру, а с другой стороны, диктаторство над ним, причем уже не класса, не партии

даже, но уже единой воли. А что речь шла о подчинении единому диктатору и единой воле, читаем недвусмысленные ленинские слова.

"Это подчинение может при идеальной сознательности и дисциплине (то есть при полной покорности — В. С.) участников общей работы напоминать больше мягкое руководство дирижера (имеющего право сажать в тюрьму — В. С.). Оно может принимать формы диктаторства, если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Так или иначе беспрекословное подчинение единой воле безусловно необходимо" (стр. 200).

"Вся наша задача партии коммунистов встать во главе истомленной и устало ищащей выхода массы (а как же революционная активность масс? — В. С.), повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач митингования об условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора во время работы".

Ах, как хорошо: помитинговали, пошумели, проявили свою пролетарскую гегемонию, потешили душу — щелкает бич диктатора: по местам!

"Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов митинговый демократизм масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица — советского руководителя".

Точнее про класс-гегемон, осуществляющий якобы в стране свою диктатуру, уже не скажешь. И вообще словечко "принудительное" является едва ли не самым любимым словечком вождя в тот период.

"Подчинение, и притом беспрекословное, единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выбранных или назначенных, снабженных диктаторскими полномочиями..."

"Меры перехода к принудительным текущим счетам или принудительному держанию денег в банках..."

"Осуществление строжайшего и повседневного учета и контроля производства и распределения продуктов..."

"Наше опоздание с введением трудовой повинности показывает еще раз..."

"Принудительное объединение населения в потребительские общества..."

"Через продовольственные отделы советов, через органы снабжения при советах мы объединили бы население (принудительно, как только что мы прочитали — В. С.) в единый пролетарский руководимый кооператив".

В деле принуждения пролетариата (хотя и строился вроде бы социализм) Владимир Ильич Ленин не брезговал обращаться к

самым жестоким и драконовским достижениям капитализма.

"Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. Учиться работать — эту задачу советская власть должна поставить во всем объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении — система Тейлора... Осуществление социализма определяется именно нашими успехами в сочетании с советской властью и советской организацией управления (беспрекословного подчинения диктатуре, как мы недавно читали — В. С.) с новейшим прогрессом капитализма".

И вообще, капитализм, оказывается, не такое уж страшное слово и понятие.

"Если бы мы могли в России через малое число времени осуществить государственный капитализм, это было бы победой".

"Что такое государственный капитализм при советской власти? В настоящее время осуществлять государственный капитализм — это значит проводить в жизнь тот учет и контроль, которые капиталистические классы проводили в жизнь".

"Государственный капитализм для нас спасение... Государственный капитализм был бы для нас спасением. Тогда переход к полному социализму был бы легок, был бы в наших руках, потому что государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролированное и общественное, а нам-то как раз этого и не хватает, потому что в России мы имеем массу мелкой буржуазии, которая сочувствует уничтожению крупной буржуазии всех стран, но не сочувствует учету, обобществлению и контролю".

"Только развитие государственного капитализма, только тщательная постановка дела учета и контроля, только строжайшая организация и трудовая дисциплина приведут нас к социализму. А без этого социализма нет.

К государственному крупному капитализму и социализму ведет одна и та же дорога, ведет путь через одну и ту же промежуточную инстанцию, называемую "народный учет и контроль за производством и распределением продуктов".

"Государственный монопольный капитализм — есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет".

Вот так раз! При такой постановке вопроса нет ничего удивительного, что сколько бы мы ни листали Ленина, сколько бы ни штудировали, нигде мы не можем вычитать: а собственно говоря, что же такое социализм, который собирались построить? "Социализм

— это учет"? "Социализм без почты и телеграфа есть пустейшая фраза"? "Кто не работает, тот не ест"? "От каждого по способностям, каждому по труду"? Вот это все и есть пустейшие фразы. И если между государственным капитализмом и социализмом нет ни одной промежуточной ступени, то чем же все-таки отличается социализм от государственного капитализма? Неужели ничем? А если чем, то все-таки чем? Прямых ответов на этот вопрос у Ленина не встречаем.

Про себя же они понимали дело четко и просто. Осуществить полный учет и контроль над каждым граммом и над каждой штукой чего бы то ни было произведенного в стране. Все, что бы ни производилось в стране, держать в своих руках, а потом распределять по своему усмотрению. Благодаря такому контролю и распределению держать в подчинении и в трудовой повинности всех без исключения живущих в стране людей, все поголовно население. Чтобы оно подчинялось единой воле как один человек. Вот это и есть, по их мнению, социализм. То есть самая высшая и самая массовая форма рабства.

Но для того, чтобы миллионы людей оказались в материальной, имущественной, хлебной зависимости, надо их сначала лишить тех некоторых запасов, которые они, может быть, накопили и которые дадут им возможность чувствовать себя независимыми от пайка, от хлебной карточки, от зарплаты. Поэтому, взяв власть, с первых шагов большевики начали стремиться прибирать к рукам каждый рубль, каждую копейку, каждый грамм хлеба.

Крупную буржуазию, фабрикантов и банкиров удалось уничтожить легко. Да их и было немного, можно пересчитать, взять на учет и ограбить. А вот что делать с мелким собственником? Их же десятки миллионов. Мелкие собственники вызывали у Ленина большую ненависть, чем крупные капиталисты, и он об этом откровенно пишет и говорит. Ведь мелкие собственники — это все самодеятельное население России, самодеятельное и поэтому самостоятельное. А как раз и надо было лишить его самостоятельности, подчинить и превратить в механизм, послушный единой воле.

"Не видят мелкобуржуазной стихии как главного врага социализма у нас".

Итак, главный враг социализма — это самодеятельные и самостоятельные люди. Кто же они? Ответ Ленина недвусмыслен.

"Большинство и громадное большинство земледельцев — мелкие товарные производители".

"Мелкие буржуи имеют запас деньжонок в несколько тысяч, накопленных "правдами" и особенно "неправдами"..."

Не дают покоя деньжонки в чужих карманах. Ну, а "неправдами" — это, конечно, ввернуто для красного словца. Какими неправдами могло копить деньжонки "громадное большинство земледельцев"? И не мог же он сказать — "все земледельцы", а имел-то в виду всех, ибо что же еще может означать выражение "громадное большинство". К людям, накопившим деньжонок, можно было бы отнести и различных там валял, златошвеек, кружевниц, шорников, овчинников, кожемяк, сапожников, воскобоев, столяров, плотников, краснодеревщиков, чеканщиков, извозчиков, иконописцев, оfenь, пильщиков, угольщиков, стеклодувов, кривельщиков, печников — короче говоря, все самодеятельное население России. И все это объединялось общим названием — мелкобуржуазная стихия. Словечко с окраской. Назови "земледелец" — и уже не то.

"Деньги — это свидетельство на получение общественного богатства и многомилионный (!) слой мелких собственников крепко держит это свидетельство, прячет его от государства, ни в какой социализм и коммунизм не веря".

"Мелкий буржуа, хранящий тысячонки, враг государственного капитализма, и эти тысячонки он желает реализовать непременно для себя".

Вот ведь какие подлецы, какая темнота и несознательность! Вместо того, чтобы просто отдать денежки государству, прячут и норовят израсходовать на себя. Не выйдет, господа мелкие собственники! Отберем. Где силой, а где лишив товаров и посадив на сухой хлеб. Через торгины, не мытьем, так катањем, но отберем!

Тут и встала перед большевиками главная, главнейшая задача — сосредоточить в своих руках весь хлеб. Это главное средство воздействия, подавления и поощрения, а проще говоря — власти. Началась одна из самых кошмарных и кровавых страниц русской истории под названием — продовольственная диктатура.

Для себя Владимир Ильич твердо знал, что он осуществляет хлебную монополию, то есть сосредоточивает весь хлеб, имеющийся в России, в своих руках. Но для общественного мнения был выкинут жупел, словечко, против которого невозможно, кажется, возразить, коротенько словечко — голод.

Было сделано так, что два главных города, Петроград и Москву, посадили на голодный паск. Сто граммов хлеба в день. Дикие очереди за этими ста граммами. Ну, а раз голод, значит, надо объявить поход за хлебом, борьбу за хлеб, изъятие хлеба ради голодающих. Дело благородное и чистое как слеза.

Но голод в Москве и Петербурге был инспирирован. Именно в это время Лариса Рейннер, скажем, жила, занимая особняк с

прислугой, принимая ванны из шампанского и устраивая званые вечера. Именно в эти годы Зиновьев, приехавший в дни революции из-за границы тошим как пес, разжирел и отъелся так, что его стали звать за глаза "ромовой бабой". Да и как могут голодать два города, если они не блокированы неприятелем, когда во всей остальной стране полно хлеба. Разреши, и тотчас же на всех базарах появятся горы хлеба и разных других продуктов. О том, что голод фактически нет, не раз в эти годы говорил и сам Ленин.

"Сейчас надвигается голод, но мы знаем, что хлеба вполне хватит и без Сибири, Кавказа, Украины. Хлеба имеется достаточное количество до нового урожая в губерниях, окружающих столицу, но он весь запрятан кулаками".

"Недалеко от Москвы, в губерниях, лежащих рядом: в Курской, Орловской, Тамбовской, мы имеем по расчетам осторожных специалистов еще теперь до 10 млн. пудов избытка хлеба".

Нет уж, Владимир Ильич, либо голод, либо избыток хлеба, что-нибудь одно. Большевики в это время очень боялись, как бы хлеб стихийно не проник или даже не хлынул в голодные столицы и не сорвал им задуманное мероприятие. Для этого были учреждены на железных дорогах заградительные отряды, которые следили, чтобы ни один мешок хлеба не проник ни в Москву, ни в Петроград. Заставив рабочих и прочее население этих двух городов изрядно на-голодаться, Ленин объявил поход за хлебом, который фактически был нужен не для того, чтобы накормить два города, а чтобы осуществить хлебную монополию.

"Необходим военный (!) поход против деревенской буржуазии, удерживающей излишки хлеба и срывающей монополию". Проговорка вождя. Для чего же нужен хлеб: накормить Москву с Петроградом или ради монополии? Выпускается декрет о продовольственной диктатуре.

"Вести и провести беспощадную (!) борьбу и войну (!) против крестьянской и иной (?) буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба".

Точно определить, что владельцы хлеба, имеющие излишки хлеба и не вывозящие их на станции и в места сбора и ссыпки, объявляются врагами народа и подвергаются заключению в тюрьму на срок не ниже десяти лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из его общины".

"Военный комиссариат превратить в военно-продовольственный комиссариат. Мобилизовать армию, выделив ее здоровые части, и призвать девятнадцатилетних для систематических военных действий (!) по завоеванию,

сбору и свозу хлеба.

Ввести расстрел за недисциплину.

Успех отрядов измерять успехами работы по добыче хлеба".

"Задачей борьбы с голодом является не только выкачивание (!) хлеба из хлеборобных местностей, но ссыпка и сбор в государственные запасы всех до конца излишков хлеба, а равно и всяких продовольственных продуктов вообще. Не добившись этого, нельзя обеспечить решительно никаких социалистических преобразований".

Вот зачем понадобился российский хлебушек, а вовсе не для того, чтобы ликвидировать голод в Москве и Петрограде. И сдается мне, что кроме главной задачи — сосредоточить в своих руках все продукты, чтобы управлять и властствовать, продовольственная диктатура имела и побочную цель.

Ведь советская власть только еще начинала действовать, и положение ее было весьма и весьма неустойчиво. Об этом свидетельствует сам Владимир Ильич. Судите сами. Вся мелкая буржуазия, как мы недавно читали, то есть все самостоятельное, самодеятельное население России против социализма. В речи перед группой передовых учителей Ленин сделал и другое откровенное заявление.

"Надо сказать, что главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности. Процесс брожения в широких учительских массах только еще начинается".

Но если мелкие собственники, интеллигенты и даже широкие массы учителей — все против, то кто же за?

"Мы можем рассчитывать только на сознательных рабочих, остальная масса, буржуазия и мелкие хозяева против нас", — признается Владимир Ильич на стр. 369 и десятью строками ниже уточняет:

"Мы знаем, как невелики в России слои передовых и сознательных рабочих".

* Да кажется, уже и одумывались. Вот воззвание Петроградского исполкома от 5 января 1918 года "Ко всему населению Петрограда":

"Враги народа, контрреволюционеры и саботажники распространяют слухи о том, что в день 5 января революционные рабочие (?) и солдаты расстреливали мирные демонстрации рабочих.

Делается это с одной целью: посеять смуту и тревогу в рядах трудовых масс, вызвать их на эксцессы и под шум произвести те покушения на вождей революции, которыми они давно грозятся.

Уже установлено, что имели место провокационные выстрелы в рабочих, солдат и матросов, охранявших порядок в столице.

Исполнительным Комитетом Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов предпринято самое строгое расследование событий 5 января. Все виновные в пролитии крови рабочих и солдат, где таковые имеются, будут привлечены к ответственности".

Значит, были, были такие события.

Более четкие сведения находим у А. Солженицына.

"Расстреливали из пулеметов рабочие толпы на заводских дворах, которые требовали выбора независимых фабрично- заводских комитетов. Я напоминаю — это был март восемнадцатого года. Сейчас уже редко кто может восстановить в памяти: и подавление Петроградской забастовки рабочих в 1921 году, и Колпинский расстрел двадцать первого года".

Предельная ясность. Захватившие власть опирались на явное меньшинство, на одуреченных рабочих, которых называли сознательными. Но ведь и эта небольшая часть сознательных рабочих могла одуматься через месяц-другой*. Действительно, вдруг одумаются да соединятся с крестьянами, как они соединены в фиктивной формуле о рабоче-крестьянской власти? Совсем нeliшне было бы озлобить их друг против друга, столкнуть и разобщить. Инспирированный голод и крестовый поход за хлебом мог бы решить и эту проблему.

"Нужен крестовый поход рабочих против дезорганизаторов и против укрывателей хлеба".

Значит, регулярной армии уже мало? Наряду с армией были брошены продотряды, составленные из рабочих Москвы и Петрограда. Не в том могло быть дело, что одной армии мало, а в том, чтобы вот именно столкнуть рабочих и крестьян. Это более вероятно. Надо представить себе все это, как приходят к рабочим агитаторы в кожаных куртках и внушают им, что голодают рабочие (и их семьи, детишки) исключительно по вине крестьян, прячущих хлеб. Какой ненавистью разгораются сердца рабочих. С какой яростью идут они в продотряды, чтобы насилием отнимать хлеб (а там тоже детишки), и какую ненависть со стороны крестьян вызывали эти насилиственные действия.

"Каждая фабрика дает по одному человеку на каждые двадцать пять рабочих: запись изъявивших желание поступить в продовольственную армию производится фабрично- заводским комитетом, который составляет поименный список мобилизованных в двух экземплярах... Реквизиция хлеба у кулаков — не грабеж, а революционный долг перед рабоче-крестьянскими (?) массами, борющимися за социализм".

"Сознательным отрядам СНК будет оказывать самую широкую помощь как деньгами, так и оружием".

Измученные испирированным голодом и науськанные на мужиков, рабочие действовали с озверением, вызывающим встречное озверение. Не отставали и проинструктированные соответствующим образом отряды красноармейцев, преимущественно латышских стрелков.

“Мы знаем, что хлеб есть даже в губерниях, окружающих центр. И этот хлеб нужно взять. Отряды красноармейцев уходят из центра с самыми лучшими стремлениями (?), но иногда, прибыв на места, они поддаются соблазну грабежа и пьянства”.

Это отряды-то красноармейцев? Регулярные воинские части с комисарами во главе? По-видимому, на пьянство надо было свалить те дикие зверства, которые совершили прод-отряды тогда в деревне. Дальше, не отказываясь от этого зверства и так и называя его своим именем, Владимир Ильич пытается оправдать его в глазах общественного мнения:

“В этом виновата четырехлетняя бойня, которая на долгое время посадила людей в окопы и заставила их, озверев, избивать друг друга. Озверение это наблюдается во всех странах (?). Пройдут годы, пока люди перестанут быть зверями и примут человеческий образ” (стр. 428).

Но жутью на меня повеяло даже не от этих слов об очевидных зверствах, которые нельзя было не признать даже вождю, а от одного ленинского пунктика из “Тезисов по текущему моменту”. Это пункттик одиннадцатый.

“В случае, если признаки разложения отрядов будут угрожающе частые, возвращать, то есть сменять “заболевшие” отряды через месяц на место, откуда они будут отправлены для отчета и “лечения”.

Понимаете ли вы, мой читатель, о каком заболевании и о каком лечении тут идет речь?

А речь тут идет о том, что не каждое русское сердце могло все же выдержать, глядя на бесчинства и кровавые зверства, которые прокатились тогда по деревням всей России. Видимо, некоторые люди в продотрядах проникались сочувствием к ограбленным и обрекаемым на голод крестьянам. Отряды, в которых заводились такие люди, и считались “заболевшими”. И отправлялись, откуда были посланы, “для отчета и “лечения”. Нетрудно догадаться о методах лечения и о лекарствах, которые их ждали.

Теперь остается сказать главное о продовольственной диктатуре, а именно сказать о том, на кого она распространялась. Владимир Ильич все время оперирует понятием “кулаки”, “деревенская буржуазия”, но в одном месте он все же проговорился и таким образом поставил все точки над “и”. Речь пойдет о русском крестьянине, которому

никто никогда не отказывал ни в уме, ни в смекалке, ни в живости характера, ни в чувстве собственного достоинства. Это о нем говорил аристократ Пушкин: “Посмотрите на русских крестьян, разве они похожи на рабов?”. Это о русской крестьянке говорит Некрасов: “Есть женщины в русских селеньях... Посмотрит — рублем подарит... Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет”. Какие же слова нашел о русском крестьянине великий вождь всех трудающихся? Нам важно сейчас и это, но главным образом то, что Владимир Ильич откровенно наконец-то, единственный раз проговорился, против кого была направлена диктатура. Никаких кулаков, никакой деревенской буржуазии, все четко и ясно названо своим именем.

“Легко сказать: хлебная монополия, но надо подумать о том, что это значит. Это значит, что все излишки хлеба принадлежат государству. Это значит, что ни один пуд хлеба, который не надобен хозяйству крестьянина (а кто это решает? — В. С.), не надобен для поддержания его семьи и скота, не надобен для посева — что всякий лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен.

Откуда взять сознание крестьянину, которого сотни лет отупляли, которого грабили (но так еще никогда! — В. С.), заколачивали до тупоумия помещики и капиталисты, не давая ему никогда наесться досыта (а вот теперь решили накормить! — В. С.) — откуда ему взять сознание того, что такое хлебная монополия; откуда может взяться у десятков миллионов людей (не в кулаках, значит, дело! — В. С.), которых до сих пор питало государство только угнетением, только насилием, только чиновничьим разбоем и грабежом (да все же не бросало против него регулярных продовольственных армий! — В. С.), откуда взять понятие того, что такое рабоче-крестьянская власть (да уж! — В. С.), что хлеб, который является избыточным (и который во всем мире продается — В. С.) и не перешедшим в руки государства, если он остается в руках владельца, так тот, кто его удерживает, — разбойник, эксплуататор, чиновник мучительного голода рабочих Питера и Москвы? Откуда ему знать, когда его до сих пор держали в невежестве, когда в деревне его дело было только продавать хлеб, откуда ему взять это сознание?!”

“...Если вы будете называть трудовым крестьянином того, кто сотни пудов хлеба собрал своим трудом и даже без всякого наемного труда, а теперь видит, что может быть, что если он будет держать эти сотни пудов, то он может продать их не по шесть рублей, а дороже, такой крестьянин превращается в эксплуататора, хуже разбойника”.

Вот теперь все по-ленински ясно. Все крестьяне, которые трудом вырастили хлеб и хотели бы его продавать, а не отдавать бесплатно — все они разбойники. Не те разбойники, оказывается, кто с оружием в руках пришел в деревню отнимать хлеб, а те разбойники, кто не хочет его бесплатно отдавать.

Но самое страшное во всей истории то, что продовольственная диктатура, как бы жестока и бесчеловечна она ни была, все же не являлась самоцелью, но являлась лишь изощренным средством к более отдаленным и более обширным целям держать в руках весь хлеб и распределять его по своему усмотрению.

“Потому что, распределяя его, мы будем господствовать над всеми областями труда” (стр. 449).

Точнее и короче, чем это сказал Ленин, сказать ничего нельзя.

И вот я думаю, что ради чего, ради каких конечных целей, ради каких конечных звеньев, если размотать всю цепочку, это все делалось? Большевики завоевали Россию. Сошлемся опять на Ленина.

“Большевикам удалось сравнительно чрезвычайно легко решить задачу завоевания власти как в столице, так и в главных промышленных центрах России. Но в провинции, в отдаленных от центра местах советской власти пришлось выдержать со- противление, принимавшее военные формы и только теперь, по истечении более чем четырех месяцев со времени октябрьской революции приходящее к концу. В настоящее время задача преодоления сопротивления в России окончена в своих главных чертах. РОССИЯ ЗАВОЕВАНА БОЛЬШЕВИКАМИ”.

Когда одна страна завоевывает другую, когда и Российская империя завоевывала Среднюю Азию, как там ее ни осуждай, ясна была цель, которой не скрывали и сами завоеватели. Многие манифесты (или какие там возвзвания) так и начинались: “Стремясь к дальнейшему расширению пределов Российской империи...”

Итак, когда одна страна завоевывает другую и устанавливает там жестокий оккупационный режим, дабы подавить сопротивление населения и удержать эту завоеванную страну под своей властью, там преследуется хоть и неблаговидная, но понятная цель: присоединить к метрополии завоеванную страну.

Но вот Россию завоевала группа, кучка людей. Эти люди тотчас ввели в стране оккупационный режим, какого ни в какие века не знала история человечества. Этот режим они ввели, чтобы удержаться у власти. Подавлять все и вся и удержаться у власти. Они видели, что практически все население

против них, кроме узкого слоя “передовых” рабочих, то есть нескольких десятых процента населения России, и все же давили, резали, стреляли, морили голодом, насильничали как могли, чтобы удержать эту страну в своих руках. Зачем? Ради чего? С какой целью? Ради того, чтобы осуществить в завоеванной стране свои политические принципы. Всеобщий учет и контроль производимых продуктов, государственную монополию на все виды товаров и их распределение по своему усмотрению. И это было бы полбеды. Но из углубленного прочтения Ленина узнаем, что эти учет и распределение в свою очередь являются средством, а не целью. Средством к тому, чтобы осуществить всеобщую трудовую повинность в стране, то есть заставить людей принудительно трудиться, заставить их подчиняться воле одного человека, руководителя, директора, то есть средством к тому, чтобы все население страны превратить в единый послушный механизм.

“Организация учета, превращение всего государственного механизма в единую крупную машину, в хозяйственную организацию, работающую так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи”.

Но тогда возникает вопрос — зачем? Хорошо, допустим, что у Ленина это объяснено.

“Если мы взяли все дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах и в конце концов, какие бы трудности мы ни переживали, какие бы поражения нам ни были суждены, всемирная социалистическая революция придет”.

“Наша отсталость двинула нас вперед, и мы погибнем, если не сумеем удержаться до тех пор, пока мы не встретим мощную поддержку со стороны восставших рабочих других стран”.

“А пока там на западе революция зреет, хотя она зреет теперь быстрее, чем вчера, наша задача только такая: мы, являющиеся отрядом, оказавшимся впереди, вопреки нашей слабости должны делать все, всякий шанс использовать, чтобы удержаться на завоеванных позициях, оставаться на своем посту как социалистическому отряду, отколовшемуся в силу событий от рядов социалистической армии и вынужденному пережидать, пока социалистическая революция в других странах подойдет на помощь”.

“Мы не знаем, никто не знает, может быть, — это вполне возможно — она победит через несколько недель, даже через несколько дней, и когда она начнется, нас не будут мучить наши сомнения, не будет вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное

триумфальное шествие" (стр. 1).

Итак, допустим, что с недели на неделю ждали мировую революцию и тогда надеялись триумфальным шествием пройти по всему миру, хотя это предположение говорит больше не о гениальности, а о слепоте и фанатизме. Но опять возникает вопрос: ради чего, зачем и что принести всем народам? Да то же самое: всеобщий учет, контроль за распределением продуктов. Всеобщую трудовую винность, подчинение миллионов (а тогда уже миллиардов бы) людей единому плану, единой воле, единому руководителю с диктаторскими полномочиями. Зачем? Ради чего? Зачем живых, инициативных, самодеятельных людей превращать в единый, послушный, но зато безмозглый государственный механизм, весь подчиняющийся нажатию одной кнопки?

Допустим, что — банальная идея мирового господства, осуществленная не путем походов Юлия Цезаря, Александра Македонского или Наполеона, но путем хитрой отмычки так называемой классовой борьбы и натравливания в каждой стране одной части населения на другую. ("Речь идет не о нашей борьбе с войском, а о борьбе одной части войска с другой" — Ленин.) Допустим, что банальная идея мирового господства. Но для кого? Чье господство? Желание римского императора господствовать над миром чудовищно, но понятно так же, как любой другой могущественной *нации*. Но здесь-то чье господство? Неужели только свое? Или своей группы? Но ведь остается пять-шесть лет жизни... Ну пусть Сталин потом господствовал тридцать лет, но все равно, неужели ради этого надо потрошить народы, истреблять физически лучшую часть каждого народа, морить его голодом, держать в тюрьмах и лагерях, загонять в колхозы, лишив земли, лишив заинтересованности в труде, не говоря уже о поэзии труда, о его радостях, хотя и сопряженных с тяжестью. Труд есть труд. Всякий труд тяжек и связан с потом. Но все же, когда он — трудовая повинность, он тяжек стократ.

А еще удивляюсь, как им, если бы даже и с благами (как им, может, казалось) целями, как им не жалко было пускать на распил, а фактически убить и сократить на перепутье к своим высоким всемирным целям такую страну, какой была Россия, и

такой народ, каким был русский народ? Может быть, и можно потом восстановить храмы и дворцы, вырастить леса, очистить реки, можно не пожалеть даже об опустошенных выеденных недрах, но невозможно восстановить уничтоженный генетический фонд народа, который только еще приходил в движение, только еще начинал раскрывать свои резервы, только еще расцветал. Никто и никогда не вернет народу его уничтоженного генетического фонда, ушедшего в хлюпающие грязью, поспешно вырытые рвы, куда положили десятки миллионов лучших по выбору, по генетическому именно отбору россиян. Чем больше будет проходить времени, тем больше будет сказываться на отечественной культуре зияющая брешь, эти перерубленные национальные корни, тем сильнее будет зарастать и захламляться отечественная нива чуждыми растениями, мелкотравчатой шушерой вместо поднебесных гигантов, о возможном росте и характере которых мы теперь не можем и гадать, потому что они не прорастут и не вырастут никогда, они погублены даже и не в зародышах, а в поколениях, которые бы еще только предшествовали им. Но вот не будут предшествовать, ибо убиты, расстреляны, умерены голодом, закопаны в землю.

Гены уходят в землю, и через два-три десятилетия не рождаются и не формируются новые Толстые, Мусоргские, Пушкины, Гоголи, Тургеневы, Аксаковы, Крыловы, Тютчевы, Феты, Пироговы, Некрасовы, Бородины, Римские-Корсаковы, Гумилевы, Цветаевы, Рахманиновы, Неждановы, Вернадские, Суриковы, Третьяковы, Нахимовы, Яблочкины, Тимирязевы, Докучаевы, Поленовы, Лобачевские, Станиславские и десятки и сотни им подобных. Списки можете продолжать сами...

Простое порабощение лишает народ цветения, полнокровного роста и духовной жизни в настоящее время. Геноцид, особенно такой тотальный, какой проводился в течение целых десятилетий в России, лишает народ цветения, полнокровной жизни и духовного роста в будущем, а особенно в отдаленном. Генетический урон невосполним, и это есть самое печальное последствие этого явления, которое мы, захлебываясь от восторга, именуем Великой Октябрьской Социалистической революцией.

Вл. СОЛОУХИН

ПОЧЕМУ Я НЕ ПОДПИСАЛСЯ ПОД ТЕМ ПИСЬМОМ*

Некоторое время тому назад я получил письмо от инициативной группы добровольного общества "Мемориал". Целью общества

проводилось увековечение памяти жертв незаконных и необоснованных репрессий середины тридцатых годов. Мне предлагали поставить свою подпись под соответствующим письмом в ЦК КПСС. Сообщалось при этом,

*Наш современник, №12, 1988 г.

что многие подписи уже собраны. Я этого письма не подписал, и это выглядит, можно сказать, чудовищно, поэтому я решил теперь объяснить и обосновать свою позицию, хотя бы для самого себя.

Тогда, отказываясь от подписи, я задал представителям инициативной группы один-единственный вопрос, на который не получил ответа. Я спросил: "Начиная с какого года репрессии нужно считать незаконными и необоснованными, а до какого года их можно считать законными и обоснованными?"

Впрочем, словечко "незаконные" вскоре как-то незаметно ушло из обихода. Оставалось только слово "необоснованные". А потом выпало и это слово. Так, в информации об избрании общественного совета, который будет руководить созданием и работой "Мемориала", говорится уже предельно кратко. "Мемориал жертвам сталинских репрессий", без дополнительных уточнений и эпитетов.

"В совет вошли известные писатели, историки, общественные деятели: А. Адамович, Ю. Афанасьев, Г. Бакланов, В. Быков, Е. Евтушенко, Б. Ельцин, Ю. Калягин, В. Коротич, Д. Лихачев, Р. Медведев, Б. Окуджава, Л. Разгон, А. Рыбаков, А. Сахаров, А. Солженицын, М. Ульянов, М. Шатров". (Как стало известно позднее, А. Солженицын согласия войти в этот совет не давал. — Ред.)

Прочитав эту информацию в газете "Московские новости", несмотря на авторитетный, и в некотором роде уникальный, состав совета, я ощутил в себе некий внутренний протест.

Представим себе инициативную группу, которая ратовала бы за памятник жертвам Великой Отечественной войны, павшим в 1944 году. Допустим, что у инициаторов в этот год погибли близкие родственники и вот они ратуют за памятник жертвам войны 1944 года.

— Позвольте, — спросит любой здравомыслящий человек, — а как же 1943 год? 1942-й? Наконец, 1941-й? Павшие в эти годы, значит, не подлежатувековечению? Или, может быть, павших в эти годы вовсе и не было?

Да, заглядывать в двадцатые, равно как в 1918 и 1919 годы, страшно и трудно. Трудно еще и потому, что если от сталинских репрессий остались хоть какие-нибудь следы в виде протоколов допросов, пусть фальсифицированных и вымученных, в виде стенограмм судебных процессов, пусть сфабрикованных, зафиксированных на бумаге приговоров, то от предыдущих лет и десятилетий не осталось ни документов, ни имен, ни списков, ни даже хотя бы количества истребленных людей. Путем математических, демографических вычислений приходят к цифре в 15—17 миллионов (без колективи-

зации и голода 1933 года), но, увы, подтвердить эти цифры теперь никак невозможно. (Кстати сказать, а почему в эти наши дни гласности не объявить людям, сколько же человек в конце-то концов было расстреляно в нас kvоз пр одокументированном 1937-году?)

Документации нет, архивов нет. От 20-х годов остались только куцые разрозненные свидетельства, которые можно выловить из литературных источников. Писать об этом было нельзя, говорить об этом было нельзя, но все же "этого" было так много, что кое-что чудом осталось. Это "кое-что" хоть и не может служить юридическим документом, но человеческим документом служить может.

Например, широко известен эпизод ссоры поэта Осила Мандельштама с крупным чекистом Блюмкиным. Он описан во многих мемуарах, в том числе (правда, в смягченном виде) и в воспоминаниях Надежды Яковлевны Мандельштам, к которым мы еще будем обращаться.

Во время какой-то пирушки Блюмкин и Мандельштам оказались в одной компании. Сильно подвыпивший Блюмкин начал хвастаться. "Интеллигенция? Культура? Вот она где — вся ваша интеллигенция!" С этими словами он достал из кармана пачку ордеров на расстрел, заранее подписанных высшим начальством, но еще без фамилий, из другого кармана достал список людей, сидевших на Лубянке, и начал на глазах у всех ордера заполнять. Поэт не выдержал этого зрелища, бросился на чекиста, выхватил ордера у него из рук, скомкал или даже порвал.

Когда однажды, во время встречи с читателями, я пересказал этот эпизод, пытаясь доказать, что законности и обоснованности в деятельности Блюмкина было ничуть не больше, чем в каком-нибудь террористическом эпизоде из 30-х годов, пристрастный девичий голосок из публики крикнул: "Но ведь это же были враги!" Ничего не стоило, выдержав паузу, спросить у крикнувшей:

— А вы разве видели эти списки? Разве вы знаете, кто там был?

В этом выкрике, если хотите, вся суть репрессий. Достаточно сказать "враги" — и можно истреблять миллионами. Велика ли разница, что в одном случае к слову "враги" добавлено словечко "революции" а в другом случае "народа". В воспоминаниях Н. Я Мандельштам читаем: "Смешно подходить к нашей эпохе с точки зрения римского права или наполеоновского кодекса и тому подобных установлений правовой мысли... Людей снимали пластиами, по категориям (возраст тоже принимался во внимание). Церковники, мистики, учёные идеалисты, мыслители, люди, обладавшие правовыми, государственными

или экономическими идеями... Люди иско-
реняющей профессии придумали поговорку:
"Был бы человек — дело найдется". Впервые
мы ее услышали в Ялте (1928 г.) от Фурма-
нова, брата писателя. Бывший чекист, через
жену еще связанный с этим учреждением, он
кое-что в этом понимал".

Надежда Яковлевна перечислила не все
пласты. Гимназисты и гимназистки, а тем
более преподаватели и директора гимназий,
земцы и землемеры, купечество и дворянство,
управляющие домами, банками, железными
дорогами, адвокаты и профессора универси-
тетов, капитаны речных пароходов и владель-
цы трактиров, интеллигенция вообще, верхний
слой общества вообще...

Надежда Яковлевна продолжает свои рас-
суждения. "Мальчишки, делавшие в те дни
историю, отличались мальчишеской жесто-
костью... Почему именно молодых легче
всего превратить в убийц? Почему молодость
с таким преступным легкомыслием относится
к человеческой жизни? Это особенно заметно
в роковые эпохи, когда льется кровь и
убийство становится бытовым явлением. Нас
наусыскивали, как собак, на людей, и свора с
бессмысленным визгом лизала руки охотни-
ку. Антропофагская психика распространя-
лась как зараза. В Киеве, в мастерской
Экстер (антропофагия — людоедство, канни-
бализм — В. С.) какой-то заезжий гость, не
то Рашаль, не то Черняк, прочел частушки
Маяковского о том, как топят в Мойке
офицеров. Бодрые стишки подействовали, и
я рассмеялась..."

"Многие до сих пор спрашивают меня,
почему О. М. это сделал (бросился на Блюм-
кина. — В. С.), когда расстреливали направо
и налево".

"Мы сошлись с О. М. первого мая 1919
года, и он рассказал мне, что на убийство
Урицкого большевики ответили "гекатомбой
трупов". Мы расстались 1 мая 1938 года,
когда его увели, подталкивая в спину, два
солдата".

Поясним, для тех, кто забыл, что гека-
томбы — это древнегреческие жертвоприно-
шения сразу из ста быков. В переносном
смысле гекатомбы — это огромные жертвы
войны, террора. Ну а попросту — бойня.

Итак, на смерть Урицкого ответили бойней.
Убийство Урицкого — террористический акт.
Ну, сколько человек участвовало в террори-
стическом акте? Не десятки же тысяч, пре-
вратившиеся в горы трупов?

Так что же, убийство этих десятков тысяч
было делом законным и обоснованным? Из
случайного совпадения дат — 1 мая 1919
года и 1 мая 1938 года — Надежда Яковлевна
сделала трезвый и объективный вывод: разве
думали мы, отменяя в России всякую закон-
ность, что через 20 лет это обернется против

нас самих?

Надежда Яковлевна продолжает свидель-
ствовать из Киева: "Мы увидели в окно
телегу, полную раздетых трупов. Они были
небрежно покрыты рогожей, и со всех
сторон торчали части мертвых тел. Чека
помещалась в нашем районе, и трупы через
центр вывозились, вероятно, за город. Мне
сказали, что там был сделан желоб, чтобы
стекала кровь — техника еще была наивной"
(Надежда Мандельштам. "Вторая книга", стр.
26).

Перекинемся из Киева в Одессу и прочи-
таем свидетельство ни больше ни меньше
как Ивана Алексеевича Бунина. "Кстати об
одесской чрезвычайке. Там теперь новая
манера пристреливать — над клозетной чаш-
кой". (Ив. Бунин. "Окаянные дни". изд.
"Заря", Лондон, 1977, с. 94). Значит, унитаз
вместо желоба. Удобнее и гигиеничнее. Выс-
трел. Подержали голову над чашкой клозета,
спустили воду. Следующий! И что же это
все — в рамках законности и обоснованности?

После Бунина берем в свидетели замечательного и прославленного писателя, гуманиста и демократа, Владимира Галактионовича Короленко.

Мы иногда думаем и гадаем, как отнеслись
бы к событиям 20-х годов (и двух предыду-
щих лет) ну, скажем, Толстой, Чехов, Герцен,
Некрасов, Достоевский... Не знаем. Но вот
— Короленко. В эти дни он оказался в
своей родной Полтаве вблизи Миргорода,
Сорочинцев, вблизи Диканьки. Что может
быть мирнее, идилличнее этих мест?

В 1920 году к Короленко приезжает
Луначарский. Скорее всего узнать, прощупать,
чем дышит славный и популярный писатель,
страдалец за правду народную. Чтобы узнать
об этом подробнее и документированно,
Луначарский уговорил Короленко писать ему
письма с твердым обещанием эти письма
опубликовать. О Короленко он потом выра-
зился так: "Эти "праведники" в ужасе от
того, что наши руки обагрены кровью". Ни
одно письмо опубликовано не было. Вместо
этого к Короленко приехала из Москвы
группа врачей "лечить простуду", и в 1921
году Владимира Галактионовича не стало.

Но письма его не пропали. Они были
изданы в 1922 году в Париже, и эта
книжица есть в Ленинской библиотеке, в
"спецхране". (Когда писалась эта статья,
письма Короленко не были еще опубликованы
"Новым миром", 1988, № 10). Выпишем
оттуда несколько отрывков.

"Кошмарный эпизод с расстрелами во
время вашего приезда как будто лег между
нами такой преградой, что я не могу
говорить ни о чем".

"Однажды один из членов Всеукраинской
ЧК, встретив меня в Полтавской Чрезвычай-

ной Комиссии, куда я часто приходил и тогда с разными ходатайствами, спросил меня о впечатлениях. Я ответил: если бы при царской власти окружные жандармские управлении получили право... казнить смертью, то это было бы то самое, что мы видим теперь.

На это мой собеседник ответил:

— Но ведь это же для блага народа".

"На улице чекисты расстреляли нескольких так называемых "контрреволюционеров". Их уже вели темной ночью на кладбище, где тогда ставили расстреливаемых над открытой могилой и расстреливали в затылок без дальних церемоний. Может быть, они действительно пытались бежать (не мудрено), и их пристрелили тут же на улице... Как бы то ни было, народ, съезжавшийся утром на базар, видел еще лужи крови, которую лизали собаки..."

"Мне горько думать, что и вы, Анатолий Васильевич, вместо призыва к отрезвлению, напоминания о справедливости, бережного отношения к человеческой жизни, которая стала теперь так дешева, в своей речи высказали солидарность с этими "административными расстрелами".

"Бессудные расстрелы происходят у нас десятками".

В одно из писем к Луначарскому Короленко вставил свое письмо в Миргородскую Чеку.

"Товарищ Поройко, я получил от вас любезный ответ на свое письмо... Благодарю вас за эту любезность по отношению ко мне лично, но я узнал, что 9 человек расстреляны уже накануне, в том числе одна девушка 17 лет и еще двое малолетних. Теперь мне известно, что Чрезвычайная Комиссия "судит" и других миргородчан и опять является возможность бес судных казней..."

Товарищ Петровский дал телеграмму в Полтаву не приводить приговор над малолетней в исполнение, и Пищалка, как говорят, отправлена в Харьков. Но так как "отправить в Харьков" — это формула, которая у нас равносильна "отправить на тот свет" (так отвечают в справочном бюро родным о расстрелянных), то судьба Пищалки остается мрачно сомнительной".

Конечно, демократ, гуманист и правдоискатель не мог спокойно смотреть на происходящее, но и сделать ничего не мог. Ну, заступился за девочку по фамилии Пищалка, может быть, даже ее он спас от расстрела, но что одна Пищалка, когда не во всех ли бесчисленных городах огромного государства творилось то же самое? Не осталось вот только документации, и свидетелей теперь уж не осталось.

Еще один литературный источник — заме-

чательная повесть Валентина Катаева "Уже написан Вертер". Повествование ведется от первого лица. Героя повести, одесского юношу, схватила ЧК. Его ведут на допрос. (Скажем, забегая вперед, что и его должны были расстрелять, но в последний момент заставили отойти в сторону. За него успела похлопотать перед крупным чекистом мать, и он остался жив. Он остался свидетелем. А если бы хлопнули вместе со всеми, не было бы свидетеля, как это и получилось во всех остальных случаях. Кстати, не было бы у нас и писателя Вал. Катаева.)

Итак, его ведут на допрос. "Послышились шаги. На площадку шестого этажа вышла девушка в гимназическом платье, но без передника, красавица... Породистый подбородок дерзко вздернут и побелел от молчаливого презрения, шея оголена. Обычный кружевной воротничок и кружевные оборочки на рукавах отсутствуют... Сзади комиссар с наганом, копия его комиссара. В обоих нечто троцкое, чернокожаное... Один вел свою с допроса вниз, другой своего на допрос вверх... Ее щеки горели. Точеный носик посветел, как слоновая кость. Знаменитая Венгржановская. Самая красивая гимназистка в городе. Именно с ней он когда-то танцевал хиавату... Она была участницей польско-английского заговора. Они решили поднять восстание, захватить город и, перебив комиссаров и коммунистов, передать его великой Польше "от моря до моря"...

Теперь их всех, конечно, уничтожат. Может быть, даже сегодня ночью вместе с ним. Наберется человек двадцать, и хватит для одного списка... работы на час.

Говорят, что при этом не отделяют мужчин от женщин. По списку. Но перед этим они все должны раздеться донага. Как родился, так и уйдет.

Неужели Венгржановская тоже разденется на глазах у всех?..

...Следователь оставался в тени. Молодое неразборчивое лицо. Юноша, носатый. Лошадиные глаза. На громадном письменном столе возле локтя "кольт", источающий запах смазки. Шикарный кабинет с кожаной мебелью. Может быть, здесь недавно жил какой-нибудь адвокат, коллега отца... Но еще страшнее было полотнище кумача с лозунгом "Смерть контрреволюции!" Это знамя он уже видел на первомайской демонстрации. Его несли во главе колонны сотрудников Губчека. На стене под знаменем висел знакомый портрет: пенсне без оправы, винтики невидящих глаз, обещающих смерть, и только смерть...

...В коридор полуподвала ворвался топот многих ног. Одна за другой открываются двери камер. Приближается голос, произно-

сияций фамилии знакомые и незнакомые — по списку.

— Прокудин, Фон Дидерикс, Сикорский, Николаев, Ралли, Венгржановская, Омельченко. — Пронесет или не пронесет? Не пронесло. Щелкнул замок. В щели полуоткрытой двери тускло блеснула кожаная куртка. Наплечные ремни. Кубанка. Ручной электрический фонарик. Зайчик света побежал по листу бумаги с треугольной печатью.

— Из камеры с вещами. Карабазов. Войнитский. Ничепоренко. Вигланд. Венгржановский...

...Время перестало существовать, так как вокруг уже чернела ночь, пахло петунией, и все они сидели в открытой беседке недалеко от гаража, где уже заводили мотор грузовика. (Это чтобы заглушить выстрелы. — В. С.)

Два первых уже исчезли. Их вещи кучей лежали на газоне. Стукнуло два выстрела, тупо поглощенных кирпичной стеной... За полуоткрытыми воротами гаража проводилась странная работа...

...Под голой электрической лампочкой слабого накала, на клумбе петуний и ночной красавицы, недалеко от кучи снятой одежды стоял Наум Бесстрашный, отставив ногу в шевровом сапоге, и ему представлялось, что он огнем и мечом утверждает всемирную революцию...

Но тут Наума Бесстрашного посетило видение, как бы вещий сон сквозь явь. Он как бы пронесся "...мимо черной скульптуры и чаши итальянского фонтана на Лубянской площади и понял, что уже никакая сила в мире его не спасет, и он бросился на колени перед незнакомыми людьми, которые уже держали в руках оружие. Он хватал их за руки, пахнущие ружейным маслом (а как же кличка — Бесстрашный? — В. С.), он целовал слюнявым разинутым ртом сапоги, до глянца начищенные обувным кремом.

Но все было бесполезно, потому что его взяли с поличным на границе с письмом, которое он вез от изгнанного Троцкого к Радеку... Его втолкнули в подвал лицом к кирпичной стене. Посыпалась красная пыль, и он перестал существовать..."

При прочтении этих строк может возникнуть множество разных чувств. Во-первых, бросается в глаза разница в поведении на расстреле юной красавицы-гимназистки с гордо поднятой головой и ее убийцы, лизущего слюнявым ртом сапоги. В этом конкретном случае может даже шевельнуться чувство, похожее на возмездие. Но хотелось обратить внимание на другое. Не веет ли на нас чем-то знакомым от сформулированного обвинения юной гимназистке: "Польско-английский заговор с целью захватить Одессу и передать ее великой Польше "от моря до моря"? Разве это не такой же вздор, как и

обвинения 30-х годов, когда советские командармы, комкоры и комбриги оказывались то японскими шпионами, то заговорщиками с целью захватить, ликвидировать, уничтожить? Формулировки начала 20-х и середины 30-х годов оказываются до удивления похожими.

А теперь вернемся к "Мемориалу". Ведь в воздвигнутом мемориале хоть одним камешком — хотим мы этого или не хотим — окажется увековеченной и память о Н. Бесстрашном, поскольку он был расстрелян в тридцатые годы, при Сталине, но в мемориале не отыщется и тени памяти прекрасной гимназистки, застреленной Н. Бесстрашным. Дело не только в Венгржановской, ведь она была не одна. Как правильно написала Н. Я. Мандельштам, людей снимали пластами, по категориям. И как быть с памятью о тех, чья кровь стекала по желобу? Как быть с памятью о тех, чью кровь смывали, спуская воду в клозете? Как быть с памятью о тех, чью кровь лизали собаки на улицах Миргорода? Не забудем, что в каждом без исключения городе огромного государства шли, как их назвал Короленко, бессудные, административные расстrelы.

А как быть с жертвами 1929 года, когда ни в чем не повинных крестьян миллионами выбрасывали в тундру на голодную, холодную смерть? Как быть с десятью миллионами жертв 1933 года, когда на Украине, на Кубани и на Волге родители ели своих детей, ибо там был инспирирован голод?

Новый мемориал собираются "привязать" к т. н. "Дому на набережной". Но куда, к какой географической точке привязать, если бы захотели воздвигнуть, мемориал мученикам Украины, Кубани и Поволжья, Сибири и русского Севера, скотоводам Казахстана и Киргизии, садоводам Таджикистана, труженикам-узбекам, кавказским народам, белорусам, крестьянам коренных российских губерний?.. Ни к какой географической точке, ни к какому "Дому на набережной" такого мемориала не привяжешь. Вся наша земля для них единый мемориал. Будем ли стыдливо умолкать при упоминании о беззаконном и зверском истреблении царской семьи: четырех девочек, мальчика, женщин; постараемся ли забыть декрет "о расказачивании России", в котором предписывалось Частям Особого Назначения поголовное истребление казачества с детьми и женщинами, и который (декрет) унес больше миллиона казачьих жизней; есть данные, что в России до революции было 360000 священнослужителей, а к концу 1919 года их осталось 40000. Забудем об этом? Или сделаем вид, что ничего этого не было? Или будем в каждом отдельном случае воздвигать отдельный мемориал?

Я не подписал тогда "мемориального"

письма не потому, что считаю жертвы сталинских репрессий недостойнымиувековечения, но потому, что,увековечив их, мы тем самым навсегда отбрасываем в тень забвения все остальные жертвы, а они в

сотни и тысячи раз многочисленнее и кровавее. Из чего же мы исходим, создавая мемориал, из качества, что ли, жертв? Справедливо ли это и — не побоюсь сказать — нравственно ли?

В. СОЛОУХИН

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАЗГОВОР*

В этом могло и не быть ничего фантастического. В 1955 году в марте я на целый месяц выезжал в Будапешт как корреспондент "Огонька". Первым делом идешь в посольство. Сам я — молодой, начинающий, безымянный, но "Огонек" есть "Огонек", фирма, орган ЦК КПСС. А он, о ком теперь пойдет речь, был в то время послом в Будапеште. Он помог тогда нам (мне и фотокорреспонденту Коле Драчинскому) встретиться с тогдашним лидером Венгрии Матиасом Ракоши. Помню еще, пока Драчинский щелкал своей камерой, я спросил у лидера, что вот, мол, нам предстоит целый месяц ездить по Венгрии, собирать материал для "Огонька", так на что, мол, обратить особенное внимание? Лидер довольно сердито, хмуро во всяком случае, буркнул по-русски:

— Спросите ребят в своем посольстве, они лучше меня все знают.

Он же (посол) помог нам встретиться со знаменитым и престарелым венгерским скульптором Штроблем. То его, Штробля, скульптура венчает гору Геллерт над Будапештом. Женщина держит в поднятых над головой руках огромное перо птицы. Считается, что это памятник павшим советским воинам, освободившим Будапешт.

Когда мы пошли к Штроблю, посол тактично предостерег нас, рассказав, как вот так же он, посол, помог фотокорреспонденту другого журнала попасть в мастерскую великого скульптора, и тот снимал там его больше часа, а потом в журнале появилось несколько жалких, замельченных фотографий.

— Конечно, если я попрошу, Штробль не откажет. Но что значит снимать такого человека в течение часа? — резонно спрашивал нас посол. — Он же будет ждать отдачи в журнале. Он же привык к полосным снимкам. Венгерские журналы посвящали ему целые номера...

Потом был огромный прием в советском посольстве (это была десятая годовщина образования ВНР), потом был грандиозный прием в здании Парламента (самом красивом здании Будапешта), потом посольство же помогло нам с Драчинским сесть на наш грузовой пароходик, и мы из Будапешта по апрельскому половодью две недели плыли

из Будапешта в Измаил... Одним словом, общались, общались тогда в Будапеште с советским послом.

Так удивительно ли, что, оказавшись на недосягаемой практически высоте, он захотел поговорить с литератором, с которым познакомился в молодости, и который тоже ведь не остался навек в молодых безымянных корреспондентах "Огонька"?

Нет, сначала, услышав по телефону, кто меня приглашает, кто хотел бы поговорить "в удобное для вас время", я все-таки был удивлен и потрясен. Но потом, когда машина уже мчала меня куда надо, я думал: "А почему бы, собственно говоря, и нет?". Он — глава многосложного, запутавшегося в экономических, социальных, демографических, идеологических противоречиях государства. Должен же он все это чувствовать, должен же искать какой-нибудь выход из положения. А я коловращаюсь внизу, езжу, смотрю, пишу, думаю. Разве не полезно было бы ему послушать, что думает литератор, соприкасающийся с жизнью по иным касательным, нежели он? Так что к моменту встречи, когда надо уже было переступить порог кабинета и сделать 10—15 необходимых шагов, чтобы приблизиться, встреча не казалась мне ни фантастической, ни даже удивительной. Я бы на его месте поступил точно так же.

...С той будапештской весны прошло больше двадцати пяти лет. Уж не было того худощавого, подобранныго, легко выходящего из кабинета в приемную на шум голосов человека, а был человек старый, усталый и больной.

"Боже мой! — мелькнуло у меня в уме, а вернее сказать, отозвалось в душе, — зачем же он! Ему бы сейчас полный покой. Попросился бы, сказал бы: так, мол, и так. Тяжело болен. Прошу отпустить. А ОН ВЗЯЛ ВЛАСТЬ. Этот шаг может быть оправдан только в одном случае — если у него есть решительная и конструктивная идея все перевернуть и все изменить. Тогда это — геройский шаг. Но ведь незаметно пока, чтобы он начал все переворачивать и все изменять".

Между тем я занял свое место в кресле, и беседа началась.

Я не знал, что он от меня хочет и о чем

* "Наш современник", №3, 1989 г.

будет наша беседа. Захочет ли он поговорить о нашей современной литературе, захочет ли узнать об истинном состоянии нашей российской деревни, об истинных размерах вырождения русского народа, о масштабах алкоголизма, преступности, бездуховности, инертности. Захочет ли он конкретно узнать, что я думаю о, скажем, повороте северных рек в Каспийское море, то есть об окончательном погублении русского Севера, поговорим ли мы о том, почему закрываются в РСФСР ежегодно сотни школ и чем грозит то обстоятельство, что у льдины (если сравнить на минуту нашу страну с льдиной) тяжелеют края, а середина истончается и легчает... Можно было только гадать, зачем он меня позвал.

А он вдруг по-хорошему, словно бы смущенно даже, улыбнулся и спросил:

— Ну... и что обо мне говорят? Наверное, и анекдоты уже пошли? Без этого не бывает...

Я промолчал. Не анекдоты же, в самом деле, рассказывать.

— Я понимаю, — продолжал он, — все ждут: а что будет дальше? Понимаю, что побаиваются меня. Все же я столько лет был председателем Комитета... Понимаю, что слушаться меня будут, возможно, больше, чем моего предшественника. Но что-то подсказывает мне, что меня, хоть и побаиваются, да не любят. Вот вы — писатель. Считается, что вы стараетесь быть допустимо правдивым. Ответьте же прямо: почему меня не любят? Ведь я, даже будучи председателем Комитета, не сделал народу ничего плохого. Никого не сажал... без вины, по крайней мере. Конечно, каждое государство защищает себя, на то и органы. Но ведь не возникло же массовых лагерей. Ведь болтаете же вы все каждый что может и сколько может. По бывалошим недавним нормам, каждого можно брать и сажать. Теперь вот я — во главе государства. Если бы знали, какое наследство я получил... Можно только сочувствовать. Но сердце подсказывает, что меня не любят. Прав я или не прав?

— Как-то очень неожиданно поставлен вопрос. Но если вы ждете от меня правды и только правды и ничего кроме правды, то позвольте и вам задать вопрос. А почему и за что вас должны любить? И ради чего вы взяли власть?

— Что же я должен такого сделать? Я хочу укрепить дисциплину, навести порядок. Все — для общего блага. Разве этого мало?

— Начнем с того, что не потеплело. В стране промозгло и зябко. Вот если бы повеяло вдруг теплом и добротой... Но, увы, не повеяло.

— Это лирика. Что значит, повеяло бы теплом и добротой? Само по себе не повеет.

Нужны поступки.

— Об этом и речь. Нужны поступки, а любовь народа, о которой вы говорите, пришла бы сама собой. Вы же не пробовали...

— Что я должен был пробовать?

— Ну... так, много всего... Можно сказать, перед вами открыты неограниченные возможности для завоевания любви народа.

— Например?

— Например, в первый же день прекратить эту нелепую и диковинную возню в Афганистане. Да, уйти из Афганистана, причем не тихонько, а откровенно, с заявлением в прессе, по телевидению... Считаем грубой ошибкой... Бессмысленное пролитие крови с обеих сторон... Бессмысленная траты средств... Пусть афганцы сами решают свою судьбу...

Послать подальше разных нахлебников. Все равно они сами в свое время пошлют нас подальше, но высосав из нас сколько было можно. Опять же все это — громко, обоснованно, с цифрами и выкладками. "Считаем, что эти средства лучше обратить на собственные нужды". Объявить, что резко сокращаются расходы на исследования космического пространства.

Мы ежегодно высыпаем в западный карман тонны чистого золота. Хлопнуть ладонью по столу и сказать: хватит. Мы торгуем сырьем, как последняя колониальная страна. Гоним на выброс за бесценок сырью нефть, сырью древесину, руду, газ, меха, алмазы (центнерами), уголь... Мы гоним на валюту старинное серебро, иконы, даже бедных последних уссурийских тигров. Хлопнуть ладонью по столу и сказать: хватит! Пригодится самим.

Только в нашем государстве на земном шаре существует два вида денег: одни государство держит для себя, другими (бумажной шелухой) расплачивается с населением. Прекратите унизительное и рабовладельческое несоответствие, сделайте рубль единым, полноценным и конвертируемым. Возвратите названия старым городам: Нижнему Новгороду, Твери, Вятке, Самаре, Царицыну, Екатеринбургу, Мариуполю, Владикавказу... Снимите народ с жестокого и унизительного пайка во всех сферах жизни, освободите его от унизительного стояния в очереди, от унизительных поездок в Москву за продуктами, от метания по магазинам в поисках нужной вещи... Освободите народ от бесцветной, бездушной, принудительной пропагандистской жвачки, от сидения на бессмысленных, отупляющих собраниях, от общих фраз, набивших оскомину, от нелепых и позорных лозунгов, развесанных всюду... Перестаньте лгать в газетах, по радио, телевидению, в речах на каждом шагу и в каждой фразе... Развяжите инициативу людей, их самодеятельность, разморозьте мозги, которые замо-

рожены... Объявите громко, что два комбината, губящие озеро Байкал, прекращают свою работу... Объявите громко, что в ближайшие годы будут восстановлены все памятники истории и культуры, разрушенные или полуразрушенные в предыдущие десятилетия... Объявите громко, что начинается восстановление в Москве храма Христа Спасителя. Разрешите мусульманам открыть достаточное количество мечетей, а православным христианам достаточное количество храмов. Верните людям их праздники, ярмарки, лошадей, мельницы, землю, то есть — свободу...

Е. КАРМАЗИН

ОППОЗИЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

Но из крупы свинцовой трудно кашу сварить.

Владимир Костров, "Новый мир" № 11/88

Ведь ты, отец любимый, гениальный все ж был душегуб! Такое учудил, что двум Гитлерам не снি�лось.

Г. Владимов, "Знамя" № 2/89

Ведь кинто умер, его похоронили, этого упыря, вождя и водителя. Может быть, и правы те, кто утверждает, что это был Сатана, его новый приход в мир, чтобы наконец-то разрушить добро, сотворенное Христом.

С. Есин, "Знамя" 2/89.

1. Вся власть — Советам!

"Вся власть Советам" — под таким лозунгом вышли советские газеты в день выборов 26 марта. Признаться, для нас Советы даже без коммунистов являются тоталитарными. Герберт Уэллс еще в 1920 г. писал: "Трудно себе представить менее удачную организацию учреждения, имеющего такие обширные функции и несущего такую ответственность, как Петроградский Совет. По существу это был многолюдный митинг, который мог, самое большое, одобрить или не одобрить предложения правительства, но сам не способен ни на какую настоящую законодательную деятельность. По своей неорганизованности, отсутствию четкости и действенности Петроградский Совет так же отличается от английского парламента, как груда разрозненных часовых колесиков от старомодных, но показывающих время часов" ("Россия в мгле").

С тех пор много утекло воды (и крови), и вот уже в Москве вспомнили про охлократию: "На основе анализа французской революции 1789 года один из крупнейших политических мыслителей нового времени А. Токвиль вывел универсальный закон, применимый ко всем странам... Этот процесс неминуемо ведет к охлократии, к самой худшей форме тирании — тирании черни. И здесь Токвиль предупреждает, что результатом... может быть установление еще более жестокой тирании,

Вот если бы и тогда вы не почувствовали, что вас любят, было бы о чем говорить, а то... Несколько облав в магазинах, пивных, парикмахерских, и уже хотите, чтобы вас полюбили!..

Я думал и ждал, что он сейчас действительно хлопнет по столу и скажет: хватит! Но он слушал меня в задумчивости и в задумчивости же тихо проговорил:

— Ну, что же, может быть, я так и буду действовать.

Надо ли говорить, что от неожиданности я на этой его фразе проснулся.

которая приходит на смену охлократии" (А. Мигранян, сб. "Иного не дано", с. 109).

Из кого же состоит этот декоративный съезд Советов? Высшие функционеры (кроме самых высших) исключены по положению. Рабочих и колхозников — 30%. Остальные, по преимуществу, — мелкие функционеры. директора, начальники и т. д. Как обычно, избрано некоторое число писателей и академиков. Зато членов КПСС — 87,6%, членов ВЛКСМ — 5,8%, беспартийных — 6,6%.

Зато сами выборы — это надо сказать — проходили по-новому. Принято участие в голосовании — 89,8%. Целых 10 пунктов разрешила система сбросить со своей обычной нормы. Впрочем, во втором туре в Москве участвовало всего 67,1%! (ЭГ № 17, 1989, с. 2). Сколько голосовало за и против — неизвестно, да и как это считать, если все кандидаты избраны единым блоком коммунистов и беспартийных. Но вот некоторые цифры. В избирательные бюллетени были включены по одному кандидату — в 399 округах, по два — в 952 округах, по три и более — в 149 округах. Не получили большинства и не избраны 274 депутата, т. е. 18% от их общего числа — факт весьма значительный. В их число попал первый секретарь ленинградского обкома и кандидат в члены политбюро Ю. Соловьев — впрочем, может быть, это новая форма чистки. Первый секретарь московского горкома Л. Зайков оказался избавлен от выборной процедуры,

т. к. он — одновременно секретарь ЦК и в этом качестве избран депутатом от КПСС (а не от избирателей по округам). Объявлено, что неизбранные партийные лидеры — общим числом 37 — будут обязаны уйти со своих постов (Р.М. 31.3.89).

Заметим, что проект новой конституции Венгрии (если он будет утвержден) порывает с тоталитарной формой: создается пост президента страны, избираемого всеобщим прямым голосованием (Р.М. 17.3.89).

Сенсацией московских выборов оказалось избрание Б. Ельцина — 85% голосов (Р.М. 7.4.89), о котором на пленуме ЦК 15 марта было решено "обсудить и дать оценку некоторым его выступлениям, которые противоречат политическим установкам ЦК, партийной этике и уставным нормам КПСС".

Приведем некоторые сообщения о Ельцине из московских самиздатских журналов. Вот статья в "Экспресс-хронике": "Странность сегодняшней ситуации в стране, когда для того, чтобы выразить недоверие правящей партии, люди голосуют за коммуниста и члена ЦК. "Конечно, Ельцин такой же, как они все. Но они борются с ним, поэтому давайте мы его поддержим" — основной довод агитаторов. Сценарий, созданный для Ельцина профессиональными пропагандистами, полностью оправдал себя. Используя естественное недоверие к руководителям партии и государства, сначала был создан образ Ельцина как некоего оппозиционера внутри руководства, а потом допущено "свободное" волеизъявление народа, в результате которого он оказался депутатом подавляющего большинства избирателей (округа)" (Р.М. 7.4.89). Как сказано было в знаменитом сборнике: "Иметь в руководстве кого-то левей себя Хрущев не догадался" (Л. Баткин, "Иного не дано", с. 170).

А вот из другого самиздатского журнала — "Референдум": "Ельцин — экстремист. За время своего правления в Москве он заваливал прокуратуру требованиями собирать компромат на районных партийных бонз. Слов нет, они того заслуживали, но само по себе это качество опасное... Напрашивается вывод, что Ельцин используется в большой игре, и он выполняет разведку боем... Очевидно, он поддерживается и отрицается мощными силами аппарата. Логика подсказывает, что и тысячи самоорганизованных москвичей пока не способны сделать ни одного типографского плаката, а тем более водрузить (1 м на 1 м) его на фонарном столбе напротив выхода из метро на виду у усиленных нарядов милиции и вызванных по случаю войск" (Р.М. 14.4.89). И далее: "На глазах приобретая черты былинного героя — играя с боярскими детьми, он кого за руку возьмет — у того руку вырвет, кого за ногу возьмет — у того ногу

выломит, а кого за голову схватит — тот мертв лежит, — что в какой-то мере отражает реальную организационную деятельность Бориса Николаевича на посту первого секретаря МГК КПСС" (там же).

Наконец, "Митин журнал": "Некие представители интеллигенции вопрошали, не получат ли они в лице дорого Бориса Николаевича нового Сталина. На это Ельцин отвечал, что сталинизм он осуждает, но и вопрос ему понятен — причиной ему, должно быть, жесткая линия во время пребывания на посту первого секретаря МГК. Пояснив, что такая позиция в ту пору была необходима, потому что речь шла о засевшей в МГК мафии, Ельцин в ответе на другой вопрос неожиданно очень тепло отозвался о покойном недобром памяти генсеке Юрии Андропове, к которому он был вхож и о котором сохранил самые благостные воспоминания" (Р.М. 24.3.89).

Тем временем, 29.12.88 г. в Кремле было принято решение переименовать все улицы и города, получившие свое название в честь Черненко (Р.М. 13.1.89), а 3.3.89 г. городу Андропову возвращено его прежнее название — Рыбинск (Р.М. 10.3.89). *Sic transit gloria mundi...* Андроповщина, однако, не отменена.

Глеб Анищенко, соредактор самиздатского журнала "Выбор", опубликовал статью "Нужен ли Нюрнбергский процесс в Москве", в которой, в частности, говорится: "Сейчас в этой исторической цепи обнаружилось слабое звено — сталинизм. Защищать его мало у кого хватит сил и наглости. Вот с этого звена и надо начать, по нему общество может и должно нанести решающий удар. Вопросов здесь множество. Ответы на них может дать только открытый процесс над сталинизмом как таковым. Очевидно, что даже по существующим законам сталинизм в целом является тягчайшим преступлением. После того как будет вынесен приговор сталинизму, мнения сталинистов потеряют свою равноправность с другими мнениями. Их пропаганда будет запрещена без ущерба для гласности, т. к. в свою очередь станет уголовным преступлением" (Р.М. 31.3.89).

25 апреля состоялся пленум ЦК, на котором большая группа членов ЦК, кандидатов в члены ЦК и членов Центральной ревизионной комиссии, из числа находящихся на пенсии, обратилась с просьбой о сложении своих полномочий. Как заметил Горбачев в своем выступлении, из 301 члена ЦК 83 находятся ныне на пенсии, в числе 157 кандидатов в члены ЦК — 27 пенсионеров, среди 82 членов ревизионной комиссии пенсионерами являются 12; таким образом, в составе центральных партийных органов 122 пенсионера. По заявлению Горбачева, это не требует тайного голосования (и большинства в 2/3),

ибо оно проводится только в случаях исключения. Осталось, однако, неизвестным, сколько пенсионеров все-таки подали такое заявление и были ли в их числе бывшие члены Политбюро. Гласность до этого не добралась. Пленум, разумеется, согласился и перевел из кандидатов в члены ЦК 24 человека.

Можно одобрить, что тирания слегка разжала когти и применяет добровольно-принудительную отставку вместо арестов и лагерей, куда отправили брежневцев за так называемую коррупцию, в то время как сталинское Политбюро, повинное в гибели миллионов, до сих пор не осуждено, хотя бы посмертно.

Но тиранию, как и ад, победить нелегко, — по знаменитому изречению Томаса Пейна во времена американской революции. Мы не верим, что Горбачев смягчит тиранию. На-против, судя по всему, он будет и дальше разрушать экономику, создавать инфляцию и нищету, принуждать к непосильному труду и усиливать репрессии под предлогом нетрудовых доходов и коррупции и под прикрытием красивых слов журналистов и академиков, которых купили свободой слова для них и гонорарами... Все, как у Ленина во времена военного коммунизма.

2. Экономика

18 января 1989 г. Госплан, Минфин, Госкомстат и Госбанк утвердили новый порядок выплаты зарплаты. Об этом рассказывает "Экономическая газета" под заглавием "Остановить лавину": "Предприятия избрали самый короткий и легкий путь зарабатывания средств — повышение цен, в частности за счет надбавок "Н" и "Д" (новые и договорные цены) в легкой промышленности. В 1988 году от 15 до 80 процентов прироста по отдельным группам товаров и продукции обеспечено за счет ценового фактора. Ценостный фактор дал прибавку заработной платы в 1988 году как минимум в 6 миллиардов рублей. И самое тревожное, что тенденция идет по нарастающей. Во многом из-за незаслуженного роста цен в народном хозяйстве допущены серьезные нарушения. Дистанция катастрофически увеличивается. Иначе как инфляционным этот процесс не назовешь. Известно, что на рубль заработной платы сегодня в стране приходится товарной массы на 22 копейки. Быстро прогрессирующее расстройство рынка потребительских товаров, накопление наличных денег у населения вызвали необходимость поиска срочных мер. Учитывая чрезвычайную обстановку в денежном обращении в стране, правительство приняло решение выдавать средства на заработную плату в строгом соответствии с утвержденными на квартал нормативными

соотношениями. Новый порядок призван остановить лавину необоснованных выплат. Нормативы изменились: раньше они утверждались нарастающим итогом к 1985 году, а сейчас должны пересчитываться к уровню предыдущего года" (ЭГ № 16, 1988, с. 6).

Эти жалкие меры возврата к планированию "от достигнутого" мало что дадут, т. к. необходимо разрушить основу инфляции — систему договорных цен, с совершенным безумием введенных перестройкой.

О положении в торговле "Экономическая газета" сообщает: "Неудовлетворенный покупательский спрос в 1989 году по товарам культурно-бытового, хозяйственного назначения и галантерейным изделиям в РСФСР возрастет на 22 процента, или на 8,7 миллиарда рублей. Предприятия намерены сократить или полностью прекратить изготовление различных мелких товаров на 120 миллионов рублей, или в 10 раз. По-прежнему не будет хватать швейных и стиральных машин, пылесосов, холодильников, мебели, электробытовых приборов. Особое беспокойство вызывает положение с зубной пастой, мылом, синтетическими моющими средствами, бритвенными лезвиями. Из 1046 образцов новых товаров хозяйственного назначения действительно новыми можно назвать лишь 7 (!), из 986 образцов культспортивных товаров — 15. В чем же причина такого положения? По большинству предприятий госзаказ на потребительские товары доводится лишь в стоимостном выражении. Одна из задач оптовых ярмарок — увязать производство товаров по стоимости и номенклатуре в соответствии с потребностями населения. Однако, не имея государственного заказа, предприятия, естественно, не могут удовлетворить заказы торговли. Ведь в этих условиях отсутствует гарантированное сырьевое обеспечение для производства. Это выхолащивает саму суть оптовых ярмарок. Кроме того, уже в ходе самих оптовых ярмарок предприятия неоднократно меняют как ассортимент, так и объемы предлагаемых товаров. Вместо чайников и бидонов промышленность навязывала торговле баки и ведра. Одно за другим предприятия отказываются выпускать невыгодные им дешевые товары. Это говорит о несовершенстве экономического механизма в стимулировании производства таких товаров. Вот такими путями нагнетается дефицит на потребительском рынке дешевых товаров. С другой стороны, сокращается общее количество товаров, поступающих в магазины. Если в 1985 году было произведено 9 700 тысяч сумок женских, то в 1989 году их будет выпущено на 600 тысяч меньше, перчаток — на 375 тысяч меньше, чемоданов — на 1080 тысяч. Однако, несмотря на уменьшение количества выпускаемых товаров, планы по

объему производства, прибыли выполняются и перевыполняются. В этом вновь проявляется диктат валовых показателей над натуральными, возможность получения прибыли за счет завышения цен производимых товаров" (ЭГ № 15, 1988, с. 9).

Эти демагогические рассуждения тоже ничего не изменят, т. к. необходимо разрушить безумную и преступную систему "самофинансирования", введенную перестройкой, и вернуться к усиленному планированию ассортимента товаров через Госплан и министерства. После 70 лет советской власти иного способа в настоящее время не существует. Даже поворот военной промышленности на гражданские нужды требует жесткого планирования по ассортименту и ценам из Госплана и "директивных органов".

Положение в кооперативах можно оценить только как организуемое сверху преступление. Вот что пишет "Экономическая газета": "Самая острая социальная проблема в рамках кооперативного движения — это ценообразование на товары и услуги. Право самостоятельного установления кооперативами цен на свою продукцию выплилось в условиях нынешнего дефицита потребительских товаров и услуг в фактически монопольное завышение цен. Население оказалось практически беззащитным перед диктатом кооперативов. Около 70 процентов потребителей считают недоступными для себя кооперативные товары и услуги, хотя и испытывают нехватку многих из них. Многие медицинские кооперативы, арендая у лечебных учреждений диагностическую и другую аппаратуру, устанавливают баснословные цены. Кооператив "Целитель" установил плату за рентгеноскопическое исследование желудочного тракта в 56 рублей, а за ультразвуковое обследование внутренних органов — 106 рублей. В Москве действуют 80 авторемонтных кооперативов, в которых цены на услуги в среднем на 50 процентов выше прейскурантных, хотя используются государственные запчасти. В большинстве кооперативов общественного питания наценки на блюда составляли до 300 процентов к их стоимости по калькуляции. Открытым остается вопрос о ценах на государственные изделия, которые прошли некоторую доработку в кооперативах. Такие изделия реализуются по свободно устанавливаемым ценам, что породило массовое распространение, по существу, спекулятивных видов деятельности. Кооперативы скупают в розничной государственной торговле готовые швейные, трикотажные и другие изделия, пользующиеся повышенным спросом, наносят на них нетрудоемкие аппликации и продают по ценам на несколько порядков выше. Так, майки и футболки с символикой реализуются по цене, в 5–8 раз превышающей исходную.

Оптом закупленные дефицитные магнитофонные кассеты после записи на них музыкальных программ продаются в 2–3 раза дороже.

Зачастую кооперативы возникают взамен или на базе государственных предприятий не с целью дополнительного производства товаров и услуг, а с задачей реализовать продукцию этих предприятий по более высоким договорным ценам ("легально взвинчивают цены"). К их числу могут быть отнесены две трети кооперативов общественного питания, практически все эстрадно-зрелищные кооперативы, значительная часть кооперативов по выработке хлебобулочных и кондитерских изделий. Проектные и инженерно-внедренческие кооперативы возникают при государственных организациях, объединяя их сотрудников, при этом данные организации нередко являются монополистами в своей сфере деятельности. Они сами определяют, сколько заказов выполнят как государственные учреждения, а сколько — как кооператив по завышенным ценам.

Государственные предприятия вносят в среднем в бюджет 50 процентов своей прибыли. В 1988 году поступления в бюджет от кооперативов составили один процент дохода всех кооперативов страны. Кооперативами по производству товаров народного потребления на 1 рубль заработной платы выпускается продукция в 7 раз меньше, чем на предприятиях легкой промышленности. Например, в одном из московских кооперативов по производству швейных изделий при выработке на одну работницу в 760 рублей в месяц зарплата достигает 600 рублей, а в государственном швейном объединении при выработке в 1400 рублей — всего 216 рублей. Среднемесячный заработок московских кооператоров в прошлом году составил около 700 рублей, что в два-три раза выше среднего заработка работников наиболее интенсивного, физически тяжелого и вредного труда на государственных предприятиях. Напомним, что среднемесячная заработка плата одного работника в целом по народному хозяйству — 217 рублей. Один из могилевских кооперативов производит нетрудоемкую продукцию — липкие аппликации — из фондового сырья, приобретенного у государственных предприятий, и реализует ее через киоски "Союзпечати". За первое полугодие 1988 года рентабельность превысила 800 процентов, доходы — 247 тысяч рублей, из которых на оплату труда направлено свыше 70 процентов. Среднемесячный заработок достиг 11 тысяч рублей. Кооператив внес налог в размере 2 процентов от дохода, а кооператоры уплатили 13 процентов подоходного налога с личных доходов" (ЭГ № 15, 1989, с. 13).

Все эти причитания, разумеется, не исправят дела, пока кооперативы не будут принуждены

работать по общегосударственным ценам, тарифам зарплаты и отчислениям от прибылей.

Перестройка значительно ухудшила и положение в строительстве. "За год объем (сверхнормативного) незавершенного строительства возрос более чем на 5 миллиардов рублей и в конце 1988 года превысил 13 миллиардов" (ЭГ № 9, 1989, с. 18). "За 1986–1988 годы недовыполнение плана ввода в действие основных фондов составило более 40 миллиардов рублей. Одновременно сооружается свыше 300 тысяч включенных в план производственных объектов. На каждый из них приходится всего лишь по 12 строителей" (ЭГ № 5, 1989, с. 5).

А вот о перестройке в банках: "В центральной печати появляется все больше критических выступлений в адрес реформы банковской системы. Наплодили, дескать, банков, раздули аппарат, а расчеты в народном хозяйстве и денежное обращение не улучшились. Зачастую даже предлагается вернуться к старой схеме банковской системы. Один из авторов делает вывод, что специализация банков "не от бога, а от лукавого". Не ясно только, кого он имеет в виду. (Скажем от себя – или Абалкина, или Горбачева.) Не риторически звучит вопрос академика Абалкина: "А наберется ли у нас в многомиллионной стране хоть десяток людей, которые разбираются по-настоящему в банковской политике?" (ЭГ № 9, 1989, с. 13). "Год работы по-новому показал, что структурная реорганизация банковской системы не принесла ожидаемых результатов... Зачем разделили единую кредитную систему на части? Сегодня ощущаются неразбериха в работе банков, отсутствие стройности, ответственности и оперативности в их работе" (ЭГ № 4, 1989, с. 4). "Получилось так, что на областном уровне действуют параллельные отделы, которые зачастую дублируют друг друга. Порой дело доходит до парадоксов: отделения спецбанков на местах не знают, чьи выполнять указания" (ЭГ № 6, 1989, с. 10). "В стране должен функционировать единый Государственный банк со статусом эмиссионного кредитно-расчетного и кассового центра" (ЭГ № 15, 1989, с. 17).

Тут ни убавить, ни прибавить... Но способна ли абалковщина или перестройщина давать задний ход?

О положении в министерствах: "Попытка одним махом отделаться от болезней отраслевого управления, упразднив министерства, разломав все и вся, – заблуждение не просто наивное, но и опасное" (ЭГ № 16, 1989, с. 12). "Рассматривая различные варианты перестройки отраслевого управления, нужно иметь в виду, что мы живем в совершенно конкретном мире, и все наши действия должны привести к углублению

экономической реформы, а не к анархии в народном хозяйстве" (ЭГ № 6, 1989, с. 8). Но ломать продолжают: недавно объединены министерства автомобильной промышленности и сельскохозяйственного машиностроения; теперь отрасль концентрирует около половины мощности машиностроительного комплекса. Из интервью министра: "Могу сказать только одно: рабочий день у меня длится не менее 14–15 часов. Кстати, примерно столько же он составляет и у значительной части аппарата министерства. Но кому это интересно? Для читателей, для миллионов людей интересно другое: конечный результат" ("Правительственный вестник", № 1, 1989, с. 9).

Как раз нам это интересно: при такой безумной работе аппарата никакого конечного результата не выйдет (кроме развала).

Приведем сообщение о выборах директоров предприятий: "Уже известен ряд случаев, которые развивались по сходной сюжетной линии: коллектив отвергает рекомендованную со стороны кандидатуру на руководство и избирает своего работника; вышестоящий орган с неохотой назначает его на избранную должность; предложения нового руководителя о развитии предприятия отклоняются, материальные ресурсы он получает с боем или не получает вообще, прибыль изымают в централизованные фонды, "свой директор" быстро теряет доверие коллектива. В результате если он не уходит сам, то его всем миром вытравливают за ворота" (ЭГ № 12, 1989, с. 14).

Мы уже сообщали об акциях ("Голос зарубежья" № 52), приводим новые сведения об этом: "Трест "Чимкентпромстрой" – численность работающих 3550 человек. Своим работникам трест продает акции как за счет средств фонда оплаты труда (в 1988 году каждый приобрел их на сумму причитающейся ему тринадцатой зарплаты), так и за личные накопления. Сегодня работники треста уже приобрели акции больше чем на миллион рублей (т. е. по 300 рублей на человека). Управляющему трестом не дает покоя статья о подмосковном строительном кооперативе "Ока". Он считает, что "Чимкентпромстрой" должен принять вызов "Оки"..." (ЭГ № 5, 1989, с. 18). Об "Оке" мы сообщали в "Голосе зарубежья" № 51 (работают в две смены по 12 часов без выходных в течение полутора месяцев, затем отпуск на 15 дней без оплаты). Вот еще одно предложение: "Создадим возможность для держателей акций получать строительные материалы на льготных условиях, и дело сдвинется" (ЭГ № 11, 1989, с. 8). О методе распространения акций из печати не известно ничего, но есть сообщение об акциях в Китае: "Продажа акций рабочим и служащим в некоторых случаях проводилась

с нарушением принципа добровольности в целях покрытия убытков, что в последующем было пресечено" (ЭГ № 7, 1989, с. 20).

Приведем также сведения о стоимости квартир, которые решением Политбюро от 2.12.88 г. разрешено продавать жильцам: "Миллион рублей, мертвым грузом лежавших на сберегательных книжках, привело в движение решение горисполкома о продаже сверхпланово построенных квартир очередникам. Сегодня 108 семей новоселов сданного недавно кирпичного дома таким образом решили для себя проблему жилья" (ЭГ № 9, 1988, с. 19). Таким образом, квартира стоит примерно 10 тысяч рублей.

Вот еще будни перестройки: "Положение дел с охраной труда и техникой безопасности в трудовых коллективах в последнее время ухудшается. Это объясняется тем, что трудовые коллективы, переходя на хозрасчет, боятся за прибыль не менее яростно, чем за план. Так что же — прибыль любой ценой?" (ЭГ № 13, 1989, с. 24). "Минувшим летом армия молодых сил значительно пополнилась за счет 14-летних учащихся, которым постановлением Госкомтруда, Госкомобразования, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ было предоставлено право трудиться в свободное от занятий время" (ЭГ № 9, 1989, с. 5). "Есть немало примеров, когда лодыри и бездельники, завидуя высоким заработкам арендаторов, приводят в негодность технику и оборудование, пытаются создать неблагоприятное общественное мнение, изображая арендаторов как этаких беззастенчивых стяжателей и рвачей" (ЭГ № 10, 1989, с. 4). Заметим здесь, что есть основания разделить такое мнение: насколько известно, арендаторы не оплачивают расходы по управлению, снабжению и сбыту и по общественным фондам, но получают все льготы в первую очередь.

Перестройка подняла страшный шум по поводу убыточных предприятий. Теперь сообщается, что сумма убытков — 11 млрд. руб. (ЭГ № 5, 1989, с. 5). В то же время выплата зарплаты за счет завышенных цен составила 6 млрд. руб. (ЭГ № 16, 1989, с. 6), а из выручки кооперативов в 1988 году на сумму 6 млрд. руб. (ЭГ № 13, 1989, с. 14), вероятно, оплата труда составляет 4 млрд. руб., что тоже достигнуто за счет договорных цен. Такова цена "самофинансирования" (мы бы назвали это разбазариванием).

Тут возникает еще одна проблема. Выбросив на ветер 10 млрд. руб. для оплаты, говоря словами Маяковского, рвачей и выжиг, директивные органы создали на эту сумму гигантское инфляционное давление на рынок. И вот "недавно принятые важные решения об увеличении закупок импортных потребительских товаров за счет имеющихся в стране средств" (ЭГ № 15, 1989, с. 20). И теперь

задается вопрос — что же покупать? С точки зрения бюджетной эффективности — мокеры, джинсы, кримплен, видеомагнитофоны и дорогостоящую электронику (там же). Напротив, письма в редакцию требуют приобретать лекарства, медицинские инструменты, включая разовые шприцы, бюджетная эффективность которых невысока. "Без остального можно жить и работать" (там же). Получается, что пресловутое самофинансирование, сиречь абалковщина, сводится к резкому повышению цен для покупателя, выплате бешеных денег ловкачам и пройдохам ни за что, а затем к импорту для них же заморских штучек.

К слову говоря, 21 марта в ЦЭМИ АН СССР в Москве прошел семинар об инфляции, с участием также польских ученых и А. Бирмана (США). Судя по газетному отчету (Р. М., 21.4.89), участники одобрили инфляцию, ссылаясь на науку. Мы же назовем эту теорию невежеством и авантюризмом.

Наконец, о реформе в сельском хозяйстве — приводим последние сообщения: "Не везде есть желающие взять на себя нелегкий груз забот за самостоятельное хозяйствование. А в некоторых селах просто нет необходимых для этого работников. Чувство хозяина крестьянин стал утрачивать особенно быстро после перевода колхозов на денежную оплату труда, причем гарантированную. (Разве не после коллективизации? — спросим мы.) Ведь не секрет, многих пугает интенсивный и качественный труд, от которого отвыкли. Что же делать? (Это что же, тоска по лагерям и голоду? — спросим мы.) Задача воспитания хозяина непростая. За шесть лет работы подразделений совхоза в условиях аренды нам, к сожалению, не удалось воспитать чувства хозяина производства у всех работников. Видимо, этот процесс требует более длительного времени. Демографическая ситуация в деревне характеризуется продолжающимся старением. Село по-прежнему покидает наиболее способная молодежь. Миграция идет неравномерно, прежде всего из экономически слабых хозяйств, наиболее удаленных от районных центров и наименее благоустроенных. Для утверждения хозяина на земле необходимо безотлагательно создать не только хорошие производственные, но и бытовые условия, не хуже, чем у горожан. Это и жилье, и транспорт, и сфера обслуживания, и торговля... Сегодня бригадным, семейным, арендным коллективам нужны не специалисты узкого профиля, а исполнители с универсальными знаниями сельскохозяйственной техники, основ земледелия, животноводства, экономики, финансов, бухгалтерского учета. К сожалению, зачастую недооценивается значение проблемы подготовки арендаторов. Считается, что им может стать любой, изъявивший желание поработать в

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

деревне. Это слишком упрощенный подход. Недостаточно обоснованные условия арендного договора лишь усиливают нежелание колхозников, рабочих взваливать на свои плечи груз материальной ответственности за конечные результаты своей работы. Колхоз, совхоз при настоящей аренде должен стать снабженческо-сбытовым кооперативом арендаторов, их ассоциацией. При этом материальная ответственность перекладывается на плечи тех, кто производит продукцию... Правление колхоза за реализованные акции гарантирует держателям доход в размере пяти процентов в год от их нарицательной стоимости. Дивиденд может быть получен акционером наличными деньгами или по его желанию в виде комбикорма, концентратов и другой зерновой продукции по ценам приобретения колхозом или государственным закупочным ценам, но не более трех центнеров в год на каждого" (ЭГ № 15, апрель 1989 г., с. 10). И далее в том же роде: "Он делился наблюдениями за жизнью в своем тихом, благополучно-убыточном совхозе, о разленившихся его земляках" (там же, с. 19).

Вот другие сообщения: "Надбавки к закупочным ценам (для убыточных колхозов и совхозов) пока необходимы. Отмени мы их сейчас — и в отстающих, прежде всего отдаленных, хозяйствах последние работники разбегутся. В условиях хозрасчета ряд хозяйств столкнулся с большими финансовыми трудностями. За неимением средств на селе повсеместно начинают замораживать строительство" (ЭГ № 11, 1989 г., с. 6.). "Арендаторам, чтобы они могли выполнить свою программу, нужны все необходимые материальные ресурсы: корма, семена, удобрения, горюче-смазочные и другие материалы. Пока отсутствует свободная их продажа, всеми этими ресурсами арендные коллективы должно обеспечивать хозяйство-арендодатель, иначе можно погубить дело любого арендатора. Техническое обслуживание арендаторов также должно действовать безотказно. Ведь они не могут иметь своих мастерских по ремонту техники и бригад по ремонту построек и оборудования. Этим должна заниматься специальная служба" (ЭГ № 4, 1989, с. 12).

А вот что натворила перестройка в туркменских селах: "Прошлую пятилетку объединение "Туркменковер" завершило с убытками в 3,5 миллиона рублей. Причины экономического неблагополучия (!) объеди-

нения чаще всего связывают с посещением республики Л. И. Брежневым. Высокого гостя, как водится, повезли тогда на встречу с ковровщиками. И он, растрогавшись, рекомендовал повысить им зарплату в полтора раза. Зарплату, конечно, повысили, но себестоимость сразу стала выше цены реализации — тут же возросли убытки... Но ведь и сейчас уровень средней заработной платы невысок — около 150 рублей — и вряд ли отвечает трудовым затратам. Причем и эта сумма весьма условна. Как правило, надомным ковроткачеством занимаются не только мама, заключившая договор, но и ее дочери. Заметим, речь идет о народном промысле — работе творческой и многотрудной... Переход на самофинансирование — провели перетарификацию. Экономический эффект от снижения расценок получился внушительным — 950 тысяч рублей. Правда, под натиском возмущенных ковровщиц генеральному директору объединения пришлось заявить, что эта мера временная, и даже пообещать, что с января 1989 года оплата станет выше, а когда свое слово он не сдержал, то дело дошло чуть ли не до забастовки" (ЭГ № 12, 1989, с. 19). Такова бандитская походка самофинансирования в Средней Азии.

5 апреля был упразднен Госагропром, созданный три года назад с барабанным боем. Известный диссидент Э. Орловский тогда возмущался, что председатель Госагропрома "не стал даже кандидатом в Политбюро" ("Внутренние противоречия" № 15, с. 37)... Самофинансирование от этого не уменьшается...

...Недавно один московский журнал задумался, что сделать, "чтобы какая-нибудь "грядущая сволочь", как сумел не так давно выразиться на газетной полосе Андрей Вознесенский, не застала врасплох" ("Знамя" № 4, 1989, с. 217). Хотелось бы спросить, а что если не в грядущем, а в настоящем какой-нибудь академик Абалкин, или вообще Главный Перестройщик, начнут очередное разрушение экономики страны под очередным звучным именем, вроде великого перелома или самофинансирования? Хватит ли у Горбачева храбрости, чтобы отменить все самофинансирование, договорные цены и иже с ними и выбросить их в мусорную яму, как ошибочные и преступные? Мы очень в этом сомневаемся.

От редакции: Мы из статьи не поняли ясно, хотел бы автор сохранения планового хозяйства навечно или, что он предлагает. Е. Кармазин сказал, что по его мнению и при плановом хозяйстве можно увеличить продукцию товаров, если резко сократить расходы на вооружение и на мировую революцию (Куба, Никарагуа и пр.), и лишь увеличив продукцию товаров, переходить на самофинансирование, кооперативы, аренду и пр.

5

И

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

кая Мысль". В. Аксючиц сдержанно, корректно и весьма убедительно разделяет под орех А. Янова за книгу "Русская идея и 2000-й год". Возражая апологету Янова А. Каценелинбогену, он совершенно спрашивает: "Если это — любовь, глубокая преданность и принадлежность, то что же тогда ненависть и агрессивное отталкивание?" (в отношении России). По поводу же полемики Янова с Солженицыным, констатирует: "Здесь беспардонность авторских приемов просто беспредельна". Вполне правильно и конечное заключение в данной статье: "Яновым движет сильнейшее положительное тяготение к коммунистической идеологии, стремление оправдать ее и указать другой источник ее злодействий. Русофобия и коммунофилия уже давно подпирают друг друга, устилая очередными жертвами дорогу человечества в рабство". Что до безграмотного заглавия статьи, "Одесную и ошую" (sic!), вместо **ощую**, отнесем его за счет не автора, а редакции; которая, всем известно, в сильных неладах с русским языком.

"Беларускі Голас" №346. Газета раз за разом подчеркивает факт, что в Катыни, кроме захоронений расстрелянных польских офицеров, обнаруживаются более старые, где лежат жертвы советского террора довоенных лет, число коих измеряется по приблизительному подсчету, в четверть миллиона человек. Есть также сведения о другом захоронении в пределах Белоруссии, где погребены латышские офицеры, казненные после захвата большевиками прибалтийских государств.

Мы узнаем также о статье Бориса Савченко в журнале "Літаратура і мастацтва" по поводу смерти белорусского поэта Янки Купалы. Согласно прежним советским версиям, он то ли покончил с собою, то ли в пьяном виде свалился в пролет лестницы и убился на месте. Однако, выясняется, что он перед самым этим происшествием заходил в гости к жившим в том же отеле знакомым и был совершенно трезв. И что, с другой стороны, у него в комнате остался накрытым стол на двоих, так что явно, что он ждал какого-то посетителя или посетительницу; что плохо гармонирует с самоубийством. Помимо того, всплывает факт, что за ним по пятам ходила группа бериевских чекистов, которых видели и в тот самый день. Похоже, что тут имело место не самоубийство, а просто убийство, хотя и тщательно закамуфлированное.

"Стрелец" №№ 9 и 10. "Стрелец" умер... Да здравствует "Стрелец"!". В такой форме редакция извещает о ликвидации журнала и о замене его впредь альманахом (ежегодным?).

Продолжение романа С. Юрьенена "Сделай мне больно" являет грустную картину: талант писателя безнадежно захлебывается в мутном и зловонном потоке похаби. Исчерпав все клинические вариации половых извращений, автор уже переключается на скатологию. Хочется спросить: а дальше что? Герой проводит значительную часть своего времени над раковиной, корчась от спазм в желудке. Немудрено: читая, — и тянет к тому же.

В очередной части "Ночных дорог" Г. Газданова хуже, чем прежде, выпирает нигилистический цинизм, входивший в моду в 20-е гг. Иронический взгляд его на русскую эмиграцию глуповат (впрочем, оный заимствован им у более одаренной Н. Тэффи). Что смешного в участии людей, в большинстве мужественно боровшихся за свои убеждения, все потерявших, живущих тяжелым трудом, в нищете? Что они выше окружающей среды, французских рабочих или шоферов, и имеют свои интересы, — политические, литературные и т. д., — ничего особенно потешного в себе не заключает. Наоборот, думай они только о материальном преуспевании (чего, видимо, желал бы от них автор), от них бы ничего не осталось; а так — они свой след в истории оставили.

Очерки Г. Иванова о В. Шилейко и о К. Фофанове, перепечатанные из старых номеров рижской газеты "Сегодня", составляют ценное дополнение к его замечательным "Петербургским зимам"; как обычно для их автора, они блестящи по форме и сомнительны с точки зрения достоверности. В очерк о "Бродячей Собаке" включены великолепные две строки М. Лозинского, написанные в ответ на предложение сочинить двустишие в античном духе гекзаметром, выраждающее какую-нибудь точную и глупую мысль.

Лесбия, где ты была?

Я лежала в объятьях Морфея.

Женщина! Ты согала:

в них я покоился сам.

Б. Фальков озаглавил свой очередной опус "Есть повесть и печальнее..."; печальнее, возможно, есть; а вот противнее — навряд ли!

Неожиданно и необычно для него удачны стихи Д. Бобышева "Новомученики", где попадаются блестящие строчки, как:

Где христоборство, — там братоубийство, и дивная картина блаженства избранных в раю.

Княжие гости, друзья дорогие с Ним на духовном пиру литургии вместе из праведных этих опор боголюбивый возводят собор —

в митрах простреленных митрополиты, царственный мальчик в матроске, убитый, сельские батюшки в рясах до пят...

“*Cahiers du Monde Russe et Sovietique*” № 29 (2). Наиболее интересна статья Г. Чоранску о Димитрии Кантемире, бывшем молдавском господаре, верном союзнике и соратнике Петра Великого, которому он сопутствовал в походе через Кавказ на Персию в 1722 г. Квалифицированный ориенталист, Кантемир составлял для царя манифесты по-турецки, кои побудили ряд местных князей, — в Тарках, в Дербенте, — добровольно подчиниться русским; рисуя в них дело так, что *Петро иби аль Алекси, падишах и Рус*, идет на помочь законному шаху против мятежников. Однако буря, рассеявшая русский флот, помешала довести кампанию до успешного конца.

Д. Магомедов описывает языческие верования дидойцев, — дагестанского племени, принявшего Ислам лишь в XVII в., — и надолго сохранивших пережитки своей старой религии. А. Нивье разбирает доктрину имяславцев, зародившуюся в период перед 1-ой мировой войной в среде русских монахов на Афоне, с которой были связаны столь интересные люди как А. Булатович, в прошлом путешественник по Абиссинии и автор книги “С войсками Менелика”, о. П. Флоренский и даже кружок Мережковского.

А. Грациози резюмирует впечатления иностранных рабочих и техников, находившихся в СССР в 20—30-е гг. Г. Хеллиг и М. Крюгер-Потратц анализируют педагогическое и литературное наследие А. Макаренко.

Дж. Мильярди О’Риордан комментирует датирующийся 1324-ым годом коммерческий документ, свидетельствующий о сношениях между Венецией и Золотой Ордой.

“*Кадетская Перекличка*” № 45. Номер посвящен кадетскому съезду в Каракасе, проекавшему под лозунгом: “Верны заветам старины!”. Девиз чудесный и сугубо актуальный. Но посмотрим, как он преломляется в жизни. Основной завет старины, — особенно, для военных, — выражен ведь формулой: “За веру, царя и отчество!”. Однако, ее мы нигде здесь не встретим. Относительно близко к традициям вечной России звучат, правда, слова В. Улитина: “А на нашей родине как бы уже слышится колокольный перезвон утонувшего града Китежа, доносится тихий голос нерушимой Святой Руси, как совокупность пережитого и еще переживаемого испытания для духовной победы над темными силами”.

Зато иным вовсе духом веет от доклада В. Козякина. Он нам вещает, что Горбачев, “обладая незаурядным умом, смелостью и благодаря образованию, способностью отли-

чать реальность от фантазии фанатика, избрал путь революции сверху”. Сервильные восхваления кремлевскому генсеку неистощимы; мало кто и в подъяремной триэсерии говорит столь льстивым и лживым языком! Это уж, по нашему разумению, не верность заветам старины, а верность приказам из Москвы. Курьезно, что в подкрепление своих фальшивых тезисов, автор ссылается на “Память” и ее защитников; они ведь не горбачевцы, а оппозиция Горбачеву, им жестоко преследуемая. Не без ловкости пущены в ход фразы о русофобстве в Америке и об опасностях сепаратизма; они всегда тут как тут, когда нужно парализовать деятельность антикоммунистов! Лишний раз, как оно часто случается, крайности сходятся; г-н Козякин мог бы с успехом подвзяться в “Синтаксисе” или в “Стране и Мире”. Вот только употребляемые им шовинистические и антисемитские речения выглядели бы там диссонансом. Ну да на то и существует марксистская диалектика, чтобы мирить противоречия.

Ту же песенку поет и В. Бодиско. Не раз уже отмечался в печати его брюзгливый и презрительный тон по адресу всех подсоветских. Глумливые сентенции, будто в СССР язык не такой как в эмиграции, суть фанаберии; если, конечно, не иметь в виду казенного деревянного языка. После войны в Париже я часто слышал от старых эмигрантов, что они де “советских” отличают по выговору; а ни меня, ни множества других они отличить не умели. (Вопрос был тогда важен: советская миссия нас хватала, а совпатриоты в среде первой эмиграции подозрительных выслеживали, и туда доносили.) На деле, распознать можно интеллигента от простого человека. В нашей волне крестьян и рабочих было больше, чем в первой; и старые эмигранты *желали* думать, что других элементов между нами и нет. Между прочим, *теперь* те же люди, прежде травившие нас, с жадностью перехватывают советизмы, принесенные третьей волной, вплоть до самых уродливых.

В поношение подсоветских, приводятся наблюдения некоего каталонца Хиронелы (не сказано, каким годом датирующиеся) о группе пионеров, под началом вожатого богохульствующих в церкви. Вряд ли такое делается сейчас. Да если бы и делалось, сие есть акция, направленная *сверху*, а не идущая из народа снизу. Трудно ли понять?

С большой незрелостью мысли Бодиско исповедывается перед нами: “Я, всегда мечтавший о революционном свержении советской власти, теперь его боюсь, и все надежды возлагаю не на революцию, а на эволюцию”. Отсюда один шаг до вывода: надо поддерживать советскую власть и оборонять ее против всех врагов, внешних и внутренних. По

счастью, пути к тому открыты всем, включая и эмигрантов; скажем, — снабжать ее информацией, помогать ей в уничтожении антисоветчиков, оказывать полезное ей влияние на иностранцев. За такие услуги Софья Власьевна согласна даже платить звонкой монетой. Не себе ли в осуждение цитирует В. Бодиско суровые строки Г. Иванова:

Но царю и Богу изменивший
Не достоин ни царя, ни Бога.

А разве не изменник тот, кто готов служить атеистическому режиму, начавшемуся с цареубийства и никогда в своем преступлении не покаявшемуся? Священное Писание учит: "Нельзя служить и Богу, и Маммоне".

В том же номере Б. Плотников приводит стихи кадетского поэта К. Бертье де Ла Гарда:

Нам смены нет, и день настанет,
Когда, покинув этот свет,
Пред императором предстанет
Последний строй его кадет.

Сдается, умученный венценосец молвят тогда легиону, возглавляемому Козякиным с Бодиско: "Подстройтесь, господа, вон к той колонне!", указав на ряды буденновцев и краснофлотцев, марширующих под красным флагом своими страшными путями. Только вот радушно ли сии последние встретят запоздалых перебежчиков из Белого Стана?

Не радуют и дебаты на съезде. Вопрос об обучении молодежи русскому языку отодвинут как несущественный. Туманно говорится о передаче младшим поколениям **взглядов**; но каких?! Ежели **горбачевских**, — лучше не надо! При подобном же положении, — какая смена вообще мыслима?

Т. Куликовский комично коверкает фамилию датской королевской династии (с коей сам в отдаленном родстве), называя ее **Люксборг**, вместо **Глюксбург**. Норвежского же короля, нормально именуемого по-русски **Гаконом**, величает то **Гокон**, то **Хокон**; выбирал бы уж тот или другой вариант!

Вне политики стоят стихотворение И. Автамонова о крещении Руси, вполне грамотное и даже гармоничное, и живой, не без литературных достоинств очерк Л. Мистуловой "Поеzdka в Канайму".

Одну похвалу можем все же сделать журналу: местные названия в нем транскрибируются правильно и традиционно: **Венециэла**, а не **Венесуэла**; **Караибское море**, а не **Карибское**; **Лос Анжелос**, а не **Лос Анджелес**.

Печальную картину представляют ныне собою староэмигрантские журналы! Одни ликвидируются; другие советизируются. Не будем следовать дурному примеру и останемся на посту, пока можем. Впрочем, мы-то ведь в первую очередь журнал второй волны, хотя и счастливы тем, что имеем сотрудников, — и порою блестящих! — как

из первой, так и из третьей.

"**Континент**" № 58. В. Максимов негодует. "Огонек" перепечатал его "юношеский стишок" в честь Сталина! Ему бы воспроизвести сие произведение, да заодно и дату указать; мы бы и судили сами. А на Мандельштама он ссылается зря: всем известно, что тот написал о Сталине ("Мы живем, под собою не слыши страны..."); и написал в СССР, а не на Западе, где безопасно. Осыпая площадной бранью своих врагов, он, к сожалению, не называет имен, уточняя только, что они все "с бородами". Ну, значит, не про нас: среди нас бородатиков не имеется. Непрестанные ламентации редактора "Континента" вызывают в памяти нижеследующие строки Крылова:

Чем нравом кто дурней

Тем более кричит и ропщет на людей.

В "Нашей почте" Н. Кузнецова повторяет за А. Орловой вздор о самоубийстве Чайковского, исчерпывающе опровергнутый в "Новом Мире" № 8 за 1988 г. О. Чайковской в эссе "Пиковые дамы".

В новом продолжении бесконечного романа Г. Владимова удивляет ностальгический тон воспоминаний о Сталине. Что это автор "Верного Руслана", оригинальничает? Так сказать, анти-перестройка... Рассказик С. Довлатова "Встретились, поговорили" — абсолютно пустой и ничтожный. Не лучше ничуть и "Венеские каникулы" В. Агафонова. Стихи, все сплошь, нечитабельны. Вот и о сотрудниках данного журнала, особенно о рифмоплетах, есть подходящие слова у дедушки Ивана Андреевича:

Недаром нас

Пригнали на Парнас!

Л. Плющ настойчиво требует расчленения России на сотню мелких государств. Кому это нужно? Нашим врагам, да. Но они суть и враги всех мелких народностей Российской Империи; ибо какое же будущее тех тогда ждет?

Огромное исследование Б. Парамонова построено на презумпции, будто М. Горький — большой писатель; мы полагаем, — неправильной. Особенно поражает возведение в шедевр сверхнудного, серого "Клима Самгина".

Несмотря на общепризнанную ныне слабость диссидентской литературы в целом, в других третьеволновых журналах — "Стрелец", "22", — время от времени мелькают талантливые вещи. В отличие от прочих, "Континент" беспросветен. Он стал перманентным приютом бездарностей.

"**Страна и Мир**" № 6 (48). Повторим то, что уже говорили об эволюции сего печатного органа. Сперва он был неприятный, но интересный; потом, оставаясь неприятным, сделался скучным. А вот теперь, — и

нестерпимо скучным, до нечитабельности. Скучно было бы его и разбирать.

Скучен и Г. Померанц. Иным импонирует его претенциозный стиль. Нам — нет. Что проку в красноречии, вешающем ложь? Подлинно: "Кимвал бряцающий". Кусочек правды у него все-таки прорвался, когда он гадает о будущем России: "Масса, освободившись от нынешних шор, скорее всего рванется назад, к традиционной церкви, к вере отцов, к старому обычая". Но ему-то этого остро не хочется; и вот он нас запугивает сепаратизмом и поносит мифическую "русскую спесь". У некоторых других народов спесь, в самом деле, проявляется в наши дни в агрессивной и безобразной форме; нам она меньше всего свойственна. Но Померанцу как раз специально ненавистна "старая добрая вера", и он всячески доказывает (однако неубедительно), что она де не может противодействовать **демоническим силам**. Посмотрим. Другого пути, так или иначе, нет. Поистине: *Tertium non datur!*

"Время и Мы" № 102. В. Шляпентох, в эссе "Сталин, Симонов и другие" справедливо защищает покойного поэта от нападок Е. Эткинда, совпадая отчасти с тем, что мы уже высказали в прошлом "Обзоре". Однако, не во всем можем с ним согласиться. В частности, с тем, будто в эпоху **культа личности**: "еще никто не доказал, что новое общество, которое Сталин строит, не оправдывает суровой борьбы с его врагами и даже известных напрасных жертв". Для нас, и широкого круга близких и знакомых нам людей, как раз в те самые годы, внутри СССР, — советский режим был режимом чуждым и глубоко ненавистным, в который мы не верили, и которому от души желали скорейшей гибели. И мы тут в первую голову имеем в виду молодежь, интеллигентную да и иную; именно сверстников Симонова.

Талантливы стихи живущей в Советском Союзе Л. Миллер; например, обращенные к покойному мужу и начинающиеся словами:

Я тебя увидела во сне
И легко доверилась удаче.
Ты пришел откуда-то ко мне
И сказал, смеясь: "Чего ты плачешь?"

"Синтаксис" № 23. Подбор материала неизменно свидетельствует, что редакция одержима фрейдовским комплексом **страха перед кастрацией**. Название зощенковского рассказа "Аристократка" превращается под пером А. Жолковского в "Аристокастратку", а новелла З. Зинника "Беженец" сплошь состоит из монотонных фраз на одну и ту же тему: "Мусульманские народы, которых давно пора кастрировать... Палестинцы, которым давно следует пооторвать яйца..." etc, quantum satis. Рискнем даже предположить, что сия

мания связана с чувством вины за ведомую журналом антипатриотическую и политически нездоровую линию.

Состряпанный В. Бахчаняном фарс "Повесть о том, как поссорились Александр Исаевич и Иван Денисович", представляющий собою бездарную перелицовку гоголевского рассказа, не смешон, груб, глуп и нуден.

Наоборот, остроумна и забавна юмореска А. Битова "Ты один мне поддержка и опора...", вертящаяся вокруг факта, что в теперешних советских словарях эпитеты как **отчий** и **добропорядочный** сопровождаются пометкой **устар.** "Зато, — комментирует автор, — "пытка" не устарела и устаревшая: ни дьявольская, ни зверская, ни изуверская, ни лютая, ни средневековая, ни чудовищная".

Мы бы не стали вмешиваться во внутренний третьеволнистый спор между С. Максудовым и М. Поповским (об эмигрантских и подсоветских писателях), хотя в принципе чувствуем себя скорее на стороне Поповского. Не стали бы, если бы нас не возмутила подхалимская фраза Максудова: "Скажем прямо, американское общество не нуждается в поучениях, назойливо предлагаемых эмиграцией. Развитие американцев позволяет им ориентироваться в международной ситуации, вовремя менять руководителей, находить выход из трудных проблем. Америка нуждается в фактах, но легко обойдется без рекомендаций, кого звать, а кого не звать в гости".

Наивность, неумелость и непоследовательность американской внешней политики ни для кого не секрет; более опытные нации, как французы, немцы или англичане над американцами смеются. А уж полная неспособность американцев что-либо понимать в русских делах настолько, казалось бы, общеизвестна! Памятником ее остается как они еще недавно нас поучали, что мол если русские недовольны маршалом Сталиным, то пусть на ближайших выборах голосуют за другого кандидата. Как выражался Пушкин:

Льстцы, льстцы! старайтесь сохранить
И в самой низости оттенок благородства.

А. Кустарев, противно ломаясь, пытается высмеивать Крылова. Иван Андреевич был очень умный человек, и потешаться над ним — задача нелегкая. Сам он в таких случаях философски ронял: "Лягушки заквакали!".

Исследование И. Ефимова "Вера и неверие Л. Толстого" — серьезное и глубокое. И звучит резким диссонансом на фоне пустого балагурства и надутого суесловия, которым здесь окружено. В каком-либо другом журнале, — в любом журнале, — оно бы выглядело уместнее. Повторим приводимую им цитату из Бердяева, весьма метко резюмирующую главные черты яснополянского мыслителя. "Не антиномично ли, что русский

до мозга костей, с национальным мужицко-барским лицом, он проповедовал чуждую русскому народу англо-саксонскую религиозность? Этот гениальный человек всю жизнь искал смысла жизни, думал о смерти, не знал удовлетворения, и он же был почти лишен чувства и сознания трансцендентности, был ограничен кругозором имманентного мира. Наконец, самая разительная толстовская антиномия: проповедник христианства, исключительно занятый Евангелием и учением Христа, он был до того чужд религии Христа, как мало кто был чужд после явления Христа, был лишен всякого чувствования личности Христа".

"22" №№ 61 и 62. С. Шварц, в статье "Интеллектуалы и убийцы" рисует зловещую деятельность чекистов на Западе в 30-е гг., в коей принимали участие личный друг и близкий сотрудник Фрейда доктор М. Эйтингон, муж Цветаевой С. Эфрон, мексиканский художник А. Сикейрос и чилийский поэт П. Неруда, и заключает словами: "Если бы я хотел извлечь мораль из всей этой истории, я сказал бы, примерно, следующее: когда люди Сталина искали агентов для выполнения самых отвратительных и преступных задач, они зачастую находили их не среди грязных выродков из преступного мира, а в лице профессионально образованных и культурных членов высшей западной интеллектуальной элиты — среди поэтов, психиатров и художников, которые почему-то соглашались стать наемными шпионами и убийцами. Почему?" — Да потому, что у западной интеллигенции была мода на марксизм и на коммунизм; она и посейчас целиком не изжита. А от ней все качества!

С удовлетворением отметим возражения С. Рузера по поводу статьи М. Гробмана, которую мы разбирали в предыдущем "Обзоре". Его "сомнение берет: а уместно ли вообще это залихватское разоблачение "православных предрассудков" на страницах интеллигентного израильского журнала?" И он резонно напоминает, что так же можно бы глумиться и над иудейскими обрядами и обычаями.

"Минувшее" № 7. Неожиданно симпатичны и увлекательны отрывки (к сожалению, краткие и разрозненные) из воспоминаний М. Канивез, в прошлом жены Ф. Раскольникова, о периодах его службы во главе советских посольств в Эстонии и в Болгарии. Ее трезвое понимание происходившего в те страшные годы в России и на Западе, набрасываемые ею живые портреты заграничных и советских политических персонажей создают о ней у нас волей-неволей весьма приятное впечатление. Судя по ее рассказу, и сам Раскольников довольно быстро одумался от многих прежних своих заблужде-

ний, оценил как должно намерения Сталина и стал готовиться к разрыву с советским режимом. Хотелось бы надеяться, что мы увидим мемуары Канивез в виде отдельной книги, с освещением также предшествующих и последующих этапов ее биографии.

Менее симпатичны воспоминания М. Свирской, хотя описание ее дружбы с С. Есениным и с З. Райх для нас и любопытно. Вообще же, не совсем ясны цели парижского **исторического альманаха**, публикующего en masse ностальгические вздохи о прошлом эсеров, меньшевиков, троцкистов и прочих **партийных оппозиционеров**. Если для информации — куда ни шло; если с намерением вызвать к ним сочувствие, то это, полагаем, работа артели "Напрасный Труд"; номер не пройдет.

Среди остальных материалов представляют ценность заметки о 1939—1969 гг. эстонца О. Тиифа, повествующего о трагической части его родины, и записки М. Стоюниной о созданной ею в 80-х гг. прошлого века женской гимназии; а также очерки И. Гольца о Воркуте и О. Волина о пребывании вместе с бериевцами во владимирской тюрьме. По поводу интервью, взятого Ф. Благовещенским у видного большевика в отставке П. Шарии, отметим с одобрением, что автор правильно склоняет грузинские имена, как Шария, Берия, Жордания, по всем падежам (с **Шарией, от Шарии** и т. д.), в отличие от встречающихся в печати уродливых конструкций типа: **переговоры с Берия, по распоряжению Берия** и пр.

"Калифорнийский Вестник" № 96. В финальном выпуске журнала на первом месте по качеству поставим рассказ из кошачьей жизни М. Шохиной "Мурзик", а потом, пожалуй, очерк Е. Ширинской "Бабушка". Ж. В. разбирает творчество З. Гиппиус, В. Тургэев — Ф. Тютчева; тот и другой довольно поверхностно и односторонне (а эти поэты, оба, — явление чрезвычайно сложное!). Гораздо значительнее — обстоятельное исследование Ю. Хрущева об Ю. Крижаниче. Н. Дугас, к сожалению, продолжает развивать фантастические гипотезы о славянском будто бы происхождении варягов, — в **кричащем** противоречии с указаниями летописцев, которые сам же цитирует! Н. Войеков вполне компетентно трактует о Киевской Руси, В. Сенютович об идее Третьего Рима, а Т. Караводина о шумерийцах (только напрасно она их называет **шумерами**).

В отличие от них, Р. Полчанинов, со смелостью, заслуживающей лучшего применения и с полным невежеством, берется рассуждать о Франсуа Вильоне... на основе наспех просмотренных заметок по-русски в одной-двух энциклопедиях! И плетет, натурально, вздор; начиная с вопроса о фамилии, о которой наставительно нас поучает, что

надо мол произносить **Вийон**. Как раз наоборот: единственное правильное произношение есть **Виллон**; его и придерживались у нас подлинно культурные литераторы как Н. Гумилев, О. Мандельштам и Н. Мандельштам. Более традиционное написание по-русски — **Вильон**; с каковым можно бы мириться. Уродливое же **Вийон** насаждается специально советскими образованцами, и с ним бы следовало бороться. Хотя и верно, что теперь подобный же выговор возникает и у французов, по аналогии со словами вроде *pavillon*, или *papillon*; но те, на самом деле, совершенно иного происхождения.

Что до песенки Б. Окуджавы, которую Полчанинов толкует вкрай и вкось, она не есть, конечно, **перевод** из Вильона; но основана на мотивах, встречающихся в произведениях сего последнего. Вопреки сомнениям горе-исследователя, Вильон, если и вел беспутную жизнь, в стихах часто и много каялся и молился. В частности, Окуджава читал, видимо, стихотворения "Le testament" и "Double ballade", в первом из коих поэт восклицает:

Si prie au benoist fils de Dieu
Qu'a tous mes besoings je reclame.

Упоминание о вращении земли Окуджава, разумеется, внес от себя. В оригиналете нет, независимо от того, мог ли Вильон о нем знать. Стихотворение же, про каковое Полчанинов краем уха слышал и упоминает, называемое иногда литературоведами "Молитва матери", открывается дивными строками:

Dame du ciel, regente terrienne,
Emperiere des infernaux palus,
и содержит далее трогательный отзыв о себе самой, вложенный в уста молящейся:

Femme je suis povrette et ancienne,
Qui riens ne say, onques lettre ne lus.

Столь же легкомысленна и статья (стихотворение в прозе?) Л. Семенюка "Гость из Австралии". Сей "милый и пожилой" гость эмоционально протестует, зачем пишут **гомо сапиенс**, а не **хомо**, и **Гаага**, вместо **Хааг**: "Говорим же мы Христос, химия, хирургия... почему же тогда гармония или гигиена?" Русский австралиец (геолог по специальности, уточняет Семенюк) абсолютно безграмотен. В греческих словах как **химия** и **хирургия**, а равно и в имени **Христа**, писалась иная буква и произносился иной звук, чем в латинском **homo** или греческом же **harmonia**; очень понятно, что и по-русски сохраняется разница. Так, и в немецких или голландских названиях, буквы **h** и **ch** обозначают разные звуки; например, **Heidelberg** и **Haag**, но **Chemnitz**.

"**Вестник Р.Х.Д.**" № 154. Не хотелось вмешиваться в церковные дела; но и промолчать нельзя. Замена старославянского

языка русским в богослужении, мы убеждены, — абсолютно нежелательна и крайне несвоевременна: очень многих оттолкнет, и мало кого привлечет (как и другие смелые нововведения в литургике). Славянский язык не всем понятен? Так если будет вновь настоящая Россия, в ней, — как и в дореволюционной, — его будут преподавать в школе. Разумеется, неславянские православные народы нашей империи, будь то грузины или зыряне, имеют право и все основания совершать службу на своих собственных языках. Это для нас церковнославянский обряд есть неотъемлемая часть истории и традиции. Почтительные ссылки на великого блудодея мысли, гностика от природы, Г. Федотова ничуть нас не впечатляют. К его идеям всегда надо подходить с большой осторожностью.

Выпуск почти сплошь посвящен А. Солженицыну. Солженицына мы уважаем; но Г. Адамович, Г. Газданов, В. Ризер и В. Вейдле для нас авторитеты сомнительные. И врятъ: ничего умного или важного они сказать не нашли. Все четверо — давно скончались; а согласно латинской поговорке, об умерших полагается говорить только хорошее. Однако, про это лучше выразился Христос. "Пусть мертвые хоронят мертвых". Правда, с ними вместе подвигается и Н. Струве, который, он-то, и ныне здравствует. Но ведь изречение Спасителя имеет не один прямой, а и метафорический также смысл.

Слегка ближе к делу, к живой жизни, о том же, — В. Сендеров и Ю. Кублановский. Увы — не намного.

"**Наша Страна**" № 2006. Недавно мы не без гордости напоминали, что доновейшей эмиграции был чужд шовинизм и какая-либо враждебность к нацменам. Увы! В семье не без урода... В аргентинской газете (которой прежде подобные тенденции были несвойственны), В. Бровцын проповедует свирепую русификацию, рассыпая перлы вроде: "Казахи — кочевой народ без всякой культуры... Они подобны неграм в Родезии (Зимбабве), у которых даже нет слов для обозначения цифр. Близки к состоянию казахов и другие национальности Средней Азии".

Это ведь — грубая ложь; или продукт полного невежества. Но какие скверные чувства движут автором! Ему, и себе, и общему российскому делу, "Наша Страна" оказывает плохую услугу, публикуя сей вредный вздор.

С совсем иным чувством, с чувством радостного восхищения и удовлетворения, читаем мы, в № 2012, перепечатанную из "Нашего Современника" статью В. Солоухина по поводу "Мемориала". Как не радоваться, когда лучший из подсоветских писателей сегодняшнего дня громко говорит то самое,

что всегда утверждали мы, и за что столько нареканий слышали не только из СССР, но и в пределах самой российской эмиграции! А именно: что надо поставить памятник (и, разумеется, целиком оправдать их память) не только жертвам Сталина, но всем жертвам советской власти, с самого ее возникновения; осудить не только ежовщину и бериевщину, а весь красный террор в совокупности.

Верность тона, глубина морального чувства и трезвость здравого смысла делают Соловухина тем, чем должен быть настоящий русский писатель на высшем уровне: совестью своей страны. Заодно, цитируя мало известные письма В. Короленко, он показывает, что и тот горячо протестовал против чекистских зверств, и имеет за то право на наше уважение.

Мы же можем вздохнуть с облегчением: прошло время, когда лучшая часть нашего народа объединяется с нами и даже высказывает свои взгляды вслух. Хотя она и находится по-прежнему под гнетом советского режима, — но режим этот, вопреки своей физической мощи, становится уже откровенно мертвым, как бы нереальным. Скажем ему от души: сгинь, нечистая сила!

“Nouvelles du Monde Orthodoxe” № 1. Ссылаясь на “Service Orthodoxe de Presse” от апреля с. г., медонский бюллетень сообщает нам о выступлении митрополита Сурожского Антония Блюма, подчиненного патриарху Московскому, на предсоборном собрании в Москве, в пользу признания Новомучеников. Положим, отмечая, что этот эпизод был в дальнейшем почему-то замолчан в “Журнале Московской Патриархии”.

Заимствуя данные из того же источника, бюллетень воспроизводит слова патриарха Константинопольского Димитрия по поводу тысячелетия православия в России с сочувственным упоминанием о мучениках за веру от рук советской власти.

Похоже, что “Вестник Р.Х.Д.” и сплотившаяся вокруг него парижская группа закоснелых евлогианцев рискуют остаться скоро в полном одиночестве, в своем ожесточенном сопротивлении канонизации жертв большевизма.

“Гласность” № 15. Поскольку данный журнал распространяется в виде приложения к “Русской Мысли”, считаем возможным вклю-

* С сожалением мы должны отметить, что наш постоянный и очень ценимый нами обозреватель неправильно понял статью Г. Анищенко. Эта статья не содержит нападок на “Память”, она содержит тонкий и вдумчивый анализ этого явления. Г. Анищенко не пишет, что поскольку “Память” вызвала изменение проекта перемены русла рек или сохранения памятников, то она больше не

чить его в наш обзор. Передовица Г. Анищенко “Кто виноват?” делится на 2 части, из коих одна — на 100% правильная, а другая — более, чем сомнительная. Цитируем: “Именно русские стали первым объектом беспрецедентного эксперимента по выведению новой человеческой общности, в которой национальное начало должно быть выхолощено и заменено принципиально иной категорией самосознания... Парадоксально, но является фактом, что параллельно с духовным уничтожением русской нации шел иной процесс — формирование русофобии. Создавался фантом “русской угрозы”: истекающий кровью, погибающий русский народ якобы и представляет собою самую страшную опасность для всего остального мира, он и является душителем других народов. Действительно, нельзя сделать большего подарка палачу, чем объявить агрессором его жертву”. Правилен и анализ составных элементов русской культуры: 1) христианский, и в частности православный; 2) монархический и дворянский; 3) крестьянский. А это именно и были вещи, неприемлемые большевикам; почему и искоренялись.

Но автор переходит к нападкам на “Память”, — и сразу становится мало что неубедителен, просто нелогичен: “Память” мол первую выступила против поворота рек; и оказалось, что за него никто и не стоит. Значит, “Память” больше не нужна. Она первая подняла голос в защиту русской культуры, а теперь то же самое делают и всякие другие организации. Значит, ее деятельность потеряла смысл. Да помилуйте! Значит (совсем наоборот!), за “Памятью” есть серьезные заслуги, и к ее мнениям стоит и впредь прислушиваться. Далее, рассуждает Анищенко: 1) памятников прошлого почти не осталось, — так что их и спасать? 2) Архитектурные памятники менее важны, чем литературные. Но: надо спасать хоть то, что еще есть; а противопоставлять архитектуру литературе бессмысленно; ценно то и другое. И вовсе уж неверен вывод: будто национальное содержание может мириться с любой формой правления. Восстановление русской культуры, в этой же статье определяемой как “церковная, дворянская и крестьянская”, означало бы гибель советского режима, с нею несовместимого*.

нужна. Он пишет, что эти пункты не характеризуют специально “Память”. Г. Анищенко пишет, что же является характерным только для “Памяти”, что выделяет ее и ограничивает от других обществ, которые тоже против поворота рек или за восстановление памятников старины.

Г. Анищенко совсем не говорит, что памятники менее важны, чем литература. Он

Выступая здесь же по национальному вопросу, И. Вартанов защищает интересы ай-соров, Э. Лашкарошвили — грузин, Г. Астра — латышей. Для русских патриотов, это — стук в открытую дверь. **Большевики** не в состоянии решить сии проблемы, а мы целиком готовы удовлетворить запросы иных народов, предоставив им право пользоваться родным языком и автономией на своей

просто указывает на тот факт, что в то время как власть уничтожала архитектурные памятники, она литературе дала "зеленую улицу", но и литература, увы, страны не спасла. Поэтому одно восстановление памятников тоже ее вряд ли может спасти. Он пишет: "История показала, что культуру народа не спасут отреставрированные храмы, могут даже не спасти те, в которых идет служба. Самосознание нации зависит от того духа, который царит в храме. Только его не может присвоить себе никакая идеология. Единственный антипод существующей идеологии — христианство" (стр. 4). Мы совершенно согласны с Г. Анищенко.

Г. Анищенко также не говорит, что "национальное содержание может мириться с любой формой правления". Г. Анищенко пишет, что "Память" пытается приспособить свои национальные идеи. Он пишет: "Для власти целью является утверждение коммунистических идеалов, а одним из средств — рычаг национального вопроса. "Память" же именно национальный вопрос ставит во главу угла, а как средство утверждения русского начала согласна использовать коммунистическую власть. "Память", может быть, и стала бы постоянным союзником существующей идеологии, но при условии, если бы всегда проводила "русскую линию" в стране. Но это невозможно" (стр. 3). Г. Анищенко указывает на то, что власть использовала то "еврейскую линию", то русский патриотизм, но при этом всегда имела в виду свою коммунистическую идеологию. Все другое было для нее средством для цели.

Мы писали в №50 "Голоса Зарубежья" о воззвании "Памяти": "Воззвание это мало приятно. Оно явно отвлекает внимание от нашего главного страшного противника: интернационального коммунизма, предлагая взамен его "сионистов и масонов" (стр. 30). Г. Анищенко пишет аналогичное: "Ответ, данный "Памятью" на вопрос "кто виноват?" оказался привлекательным и для властей. Приведу один пример. В декабре 1986 г., когда "гласность" делала лишь первые шаги, меня пригласили в КГБ и начали разговор именно с "Памятью". Сотрудники, которые вели беседу, четко распределили роли. Один рисовал страшную картину мирового жидомасонского заговора, другой же пытался

территории. Заметим тут, что аннексия балтийских стран Советами была, безусловно, актом возмутительным; но еще и неумным. Следовало хотя бы за ними сохранить статус, позже оформленный для сателлитов, как Польша или Румыния. А уж массовые переселения русских в Латвию и вовсе ничем не могут быть оправданы. Что до **разрешения национального вопроса** внутри СССР, оно

показать не менее жуткую угрозу русского фашизма, который якобы проповедует объединение "Память" и тайная организация "Витязь". На сцене сражались хитрейший жидомасон и фашистский громила из "Памяти". Не было на сцене лишь представителей советской власти — сотрудников КГБ. Они как искуснейшие актеры растворились под масками. Я был свободен выбирать "врага" на мой вкус: сионизм ли, русский ли фашизм, но только не коммунизм. Он просто исчез в шумной возне национальной борьбы. Думаю, этот эпизод во многом позволяет ответить на вопрос, как власти относятся к "Памяти", евреям, национальным проблемам" (стр. 3). Мы в "Голосе Зарубежья" №50 также указывали на то, что шумные враги "Памяти", солидаризирующиеся с такими марксистами как Е. Лосото, тоже вредят борьбе с нашим главным врагом, коммунизмом.

Наконец, отметим, что Г. Анищенко не восстановление русской культуры, а русскую культуру в прошлом называет "церковной, дворянской и крестьянской". Возможно и нужно ли теперь было бы восстанавливать дворянскую культуру, сомнительно. Что касается до церковной культуры, да и крестьянской, если это еще возможно, то ее восстановление желательно. Нас только поражает, что рецензент ни словом не обмолвился о центре мышления Г. Анищенко, именно о христианстве, пронизывавшем в прошлом все эти культуры. Мы уже цитировали слова Г. Анищенко, что даже восстановленные храмы не восстановят нации, если в них не будет духа истинного христианства, что только истинное христианство коммунисты к своим целям приспособить не могут. Закончим замечательной цитатой из статьи Г. Анищенко: "Если бы удалось из русской культуры изъять христианский стержень, то она перестала бы входить в прямое противоречие с коммунистическими идеалами. Такой эксперимент и пытались провести в частности с литературой 19-го века. Такой эксперимент производится даже с официальной Православной Церковью в надежде вытравить из нее дух истинного христианства" (стр. 4).

Мы не видим никаких противоречий в статье Г. Анищенко, считаем ее очень глубокой и правильной.

В. Пирожкова

было отчасти достигнуто (и путем не противоречившим политике старой России; только куда более радикальным) в первые годы советской власти. Позже, однако, безумные мечты о создании **советского человека** однонационального типа испортили все нелепыми попытками сведения разных народов к одному знаменателю. Впрочем, лозунг "национальное по форме и социалистическое по содержанию" являлся изначально порочным.

Отвратительна статья Г. Померанца "Выворачивание бараньего рога" (бессспорно доказывающая, что прав И. Шафаревич, определяя ее автора как русофоба). Он с некоторым цинизмом сам излагает свое кредо: "Я убежден, что главная опора сталинизма (в отличие от коммунизма ленинского типа) — не коммунистическая идея, а русское имперское чувство". Любой враг русского народа подпишется! Нам все это не ново. И реабилитация **истинного коммунизма**, выглядывающая из-за плеча антисталинских фраз; и истерические призывы **выжечь имперскую скверну**. Уж нас вроде бы и без Померанца вдоволь выжигали и вымораживали. Но дай ему волю — он-то уж нам покажет настоящий **бараний рог**! Проглядывает и подлинная причина его ненависти к "Памяти": она мол помешала развитию **неомарксизма**. Злость Померанца легко и понятна: он сам признает, что неомарксизм и всякие там демдвижения отклика в массах не вызывали; а вот "Память" разбудила, — и весьма бурный.

Значительную часть его опуса составляют лирические воспоминания о кубанской станице, где русских детей (и особенно девочек) били смертным боем, заставляя забывать родной язык. Что молодые хулиганы, которых он нежно величает **казачатами**, были также и юдофобами, Померанц им прощает: уж очень ему отрадно, что **русских били по зубам**. Нам же вот кажутся абсолютно недопустимыми такие гримасы коренизации, когда в пределах России русских за русское слово бьют по зубам; даже и взрослых, — а детей тем более! Под маской красивых хитросплетений, автор сilitся раздуть темные чувства национальной ненависти; они к добру не приведут.

Неудивительно, что Померанц опирается на Е. Лосото: два сапога пара. Но даже и его порой коробит чрезмерная ревность недобитой сталинистки, и он ее мягко журит: "Я просто не верю. Не может она не жалеть убитых детей или вымершие с голоду деревни". Да почему же нет?! Ведь нашлись же люди, которые убивали детей и грабили крестьян; да множество их и посейчас живо. Вот с ними-то Лосото и солидарна (да и Померанц от них недалеко ушел).

Главный его аргумент против "Памяти" — крашеная (и довольно кустарно) карта.

Остановимся на ней на миг лишь потому, что она и у других в ходу. Обвинение строится на том, что де, в какой-то момент, советская власть данное **неформальное объединение** не преследовала, а то ему и покровительствовала (правда, время такое, коли и было, то давно прошло). Ну и что же? Софья Власьевна делает зигзаги; а оппозиция ими пользуется (и вполне законно). Когда крен в сторону возрождения ленинизма или сближения с Западом, — разве сторонники Померанца не всплывают наверх? Так отчего же им можно, а их противникам — нельзя?

Особое место занимает в сочинении Померанца тема об **измене родине**. Как бы защищая крымских татар, он напоминает, что были мол и русские изменники (один из сих последних пытался даже ему растолковать, что не забыл ужасов коллективизации). Для нас сии разглагольствования абсурдны. Мы гордимся тем, что имеем право сказать, что принимали участие в борьбе против сталинской тирании; а крымские татары были наши боевые братья.

Что значит **измена родине**? И что, собственно, есть **родина**? Полагаем, — народ, живущий в ее пределах. А ему, — всем народам России, — кремлевский обер-палац наделал столько зла, что его и не исчерпаешь. Говорить ли о культуре (и не только русской, а и других национальностей СССР) — опять же, вред им был причинен, тем же деспотом и его подручными, безмерный. И даже если **родину** понимать как пейзаж и природу определенной территории, — и их большевики истощили и загадили.

Пока держался миф о Великом Вожде и о счастливом народе, шагающем как хозяин по цветущей земле, — мысленно было, с формальной точки зрения, требовать верности им. Теперь же, когда сталинщина разоблачена, — как у г-на Померанца и иже с ним язык поворачивается кричать об измене? Мы сражались за освобождение России от худшего, самого зверского и безобразного на свете коммунистического строя; кто нас смеет упрекать? А что мы оружие брали у немцев, так другого источника не было; западные демократии (которым, понятно, на интересы русского народа и вообще народов России было наплевать) обнимались с добрым дядей Джо, предав заодно даже и Польшу, из-за которой официально начали войну.

Фатальным образом, на деле те, кто защищал Сталина, действовали **против** России; но и винить некого: труден был выбор между двумя величайшими злодеями мировой истории. Разница была лишь в том, что один был глупый, а другой — хитрый; оттого второй и победил.

Еще два пункта наводят на размышления.

Не зря ли Померанц, в полемике с "Памятью", ссылается на французскую революцию? Объективные историки прямо констатируют, что она зародилась в масонских ложах. А о китайской мы слишком мало знаем, чтобы судить; и, во всяком случае, она явилась продуктом двух первых, французской и русской. Роль инородцев, и даже иностранцев, в нашей революции — специфическая ее черта; но ведь и отрицать это явление невозможно, как бы к нему ни относиться.

Настораживают не в первый раз выдвигаемые Померанцем тезисы о том, будто "борьба со злом создает новое зло". Непротивление злу дает еще худшие (и гораздо!) плоды; как о том последние десятилетия нашей истории и свидетельствуют.

"Дьявол рождается с пеной на губах ангела, вступившего в бой за святое и правое дело", — упоенно цитирует сам себя Померанц. Сие есть плохое, греховное богословие (и скверная, напыщенная риторика), нужное как раз Отцу Лжи. А быть адвокатом Диавола — незавидная роль; в сей жизни и в будущей.

Pro domo sua. Ядовито насмехаясь надо мною по случаю моей статьи в "Нашей Стране", В. Козловский, в "Панораме" № 400, безапелляционно констатирует: "Отменить республику, как показывает история, действительно труднее, чем монархию". Ну почему же так? Вот во французской республике избрали, вполне демократически, в президенты принца Луи Бонапарта, а он позднее стал императором Наполеоном III. Да и его предок, Наполеон I, пришел на смену самой что ни на есть разреспублике — якобинской! — и потом уступил место законным монархам, Бурбонам. Да и кромвелевский Ковенант, — к великому облегчению всей Англии! — вновь подчинился власти короля Карла II, отца которого пуританские изуверы возвели на эшафот. Впрочем, коли уж начинать *ab ovo*, то и в Риме... и вообще, примеры считаются десятками. Ближе к нам в времени, ан глядь и в Испании отыскался король; и ничего, — страна благоденствует. Должно быть, г-н Козловский в истории читает только те страницы, которые ему нравятся.

Его приводят в ярость мои соображения, что у исторической России нет с Соединенными Штатами ни общих интересов, ни общих моральных принципов. Для верноподданного и притом же новосотворенного американского гражданина сие есть, понятно, кощунство, и

вряд ли не преступление. Но я-то ведь не в Северной Америке живу, и потому пользуюсь некоторой свободой слова.

Тоже не одобряет он и мое мнение, что нам следовало избежать вступления в 1-ю мировую войну, или уж избрать иных союзников. Ну, тут я сужу по результатам, оказавшимся для нашего отечества катастрофическими. К тому же, трудно отрицать, что союзники наши вели себя по отношению к нам не слишком красиво. С другой стороны, образуя тогда союз России с Германией, Австрией и Японией (в чем ничего принципиально невозможного не было), — кто бы рискнул подобный блок атаковать? И кто бы имел шансы его победить?

На мое указание, что Россия всегда могла угрожать Англии нападением на Индию, Козловский возражает, что Англия и Индия лежат от России в разных направлениях. Здесь налицо игра слов: допустим, угроза стояла не для Англии, а для Великобритании. Но судьба колоний близко затрагивала и метрополию.

Мой почтенный оппонент считает, что потеря Индии явилась бы для Англии выгодной, ибо: "Англичане тратили на управление Индией больше, чем оттуда выкачивали". Он, очевидно, убежден, что Англия захватила Индию и держала столетиями в руках из чисто альтруистических и филантропических побуждений. Сии иллюзии третьеволнового идеалиста от журналистики настолько прекраснодушны, что мне не хочется их разрушать!

Вероятно, г-н Козловский никогда не читал Киплинга, тем паче публицистов конца прошлого и начала нынешнего века, английских или хотя бы русских. Иначе бы он знал, что вторжение русских в Индию составляло собою для британских политиков гнетущий, безвыходный кошмар. Практически же, думает ли он, что Англия, слuchись ей воевать с Россией, добродушно ретировалась бы и оставила бы нам Индийский Полуостров и, потенциально, Бирму с Малайей? Никакое правительство на эдакий бы шаг не решилось; пришлось бы бросить в Азию войска за счет Европы. И, право, положение коварного Альбиона оказалось бы куда как незавидным!

Конечно, можно сказать, что бессмысленно обсуждать былое (хотя я в том и не уверен). Но ведь я, по сути дела, был к тому вынужден затяянной задолго до моего вмешательства дискуссией на столбцах газеты.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

СТРАШНАЯ КНИГА

Издательство "Заря", выпустившее за последние двадцать лет ряд отличнейших изданий, подарило нам новую интересную и, вместе с тем, страшную книгу ныне покойного выдающегося польского писателя Юзефа Мацкевича — "КАТЫНЬ" (в переводе с польского Сергея Крыжицкого). В издательском предисловии справедливо отмечается, что преступление, известное под именем "Катынь", является не самым крупным в истории по количеству убитых и не самое жестокое по методам уничтожения своих жертв, но оно занимает одно из первых мест в списке чудовищных злодеяний нашего времени. Тысячи людей, поверивших противнику, сдавшихся в плен, защищенных всевозможными международными договорами, были зверски и бессудно убиты в "массово-организованном порядке". Совершившие это преступление делают из него искусственно "белое пятно" истории и валят все на других убийц, на своих недавних союзников по разгрому и разделу Польши.

В русской зарубежной и в иностранной печати о катынском убийстве польских офицеров было напечатано немало материалов, но перевод краеугольного труда Ю. Мацкевича, побывавшего в Катыни и присутствовавшего при раскопке братских могил, вносит в катынский вопрос много нового и ранее неизвестного. Речь идет о польских офицерах, заключенных в лагерях Козельска, Старобельска и Осташкова. Козельск неподалеку от Смоленска и Калуги, Старобельск — в районе Харькова и Осташков на северо-западе от Москвы. В Старобельске находилось около 3920 офицеров, в Козельске около 4500 и в Осташкове 6567. Всего почти 15000 человек. И вот здесь мы сталкиваемся с загадками, которые разгадывает Ю. Мацкевич. В трех лагерях было без малого 15000 командного состава польской армии. Исследование братских могил расстрелянных польских офицеров свидетельствует, что в катынском лесу было зарыто около 4000 тысяч трупов польских офицеров из лагеря в Козельске, находившегося под Смоленском. Где же остальные почти 11000 военнослужащих польской армии? Ю. Мацкевич устанавливает два факта. Имеются данные, взятые из свидетельских показаний, что пленные польские офицеры, находившиеся в лагере Осташкова, были вывезены на север и во время их транспортировки на море были потоплены. По имеющимся свидетельствам, в барже, на которой находились офицеры, были сделаны пробоины и она ушла под воду со всеми на ней находившимися. Сам Ю. Мацкевич не доверяет этой версии. Он считает, что офицеры из

Осташкова были уничтожены, но не на севере, а в другом месте. Автор устанавливает: офицеры были довезены до станции Бологое, находящейся неподалеку от Осташкова на железнодорожной линии Москва — Ленинград, после чего их следы теряются. Мацкевич утверждает, что именно в этом районе офицеры из Осташкова были убиты и на север их никто не возил, т. к. это было просто бессмысленно. Очевидно в этом районе находится еще вторая "Катынь", пока еще никем не найденная. Во всяком случае, никогда и никто никаких вестей от представителей этой группы польских офицеров не получал.

Что касается польских военнослужащих, находившихся в лагере Старобельска, то автор отмечает следующее. Последний след этапов, направленных из Старобельска, был найден в Харькове. Дальше следы теряются, хотя имеются показания о том, что эта группа офицеров была выгружена в районе Харькова. Где они были расстреляны, неизвестно, но очевидно именно в этом районе. Автор по этому поводу пишет: "Известно, что судьба всех трех лагерей — их существование и техника их ликвидации — указывают на полную аналогию. Тождественность методов, примененных в отношении военнопленных, дает право предполагать, что их судьба была решена одним и тем же приказом сверху, который предусматривал не только их уничтожение, но и метод осуществления этой преступной акции. Рассматривая вопрос в такой плоскости, можно утверждать, что было бы нелогично убивать военнопленных из Козельска в густонаселенной местности близ Смоленска, в сравнительно небольшом лесу, и в то же самое время везти свыше 6 тысяч военнопленных из Осташкова в Архангельск, там грузить их на баржи и топить в море, когда можно было тем же способом, что и в Катыни, перестрелять их по дороге, в местах более пригодных, чем окрестности Смоленска, чтобы замести следы преступлений. Логика говорит нам, что военнопленные из Осташкова лежат где-то невдалеке от станции, где их выгрузили, подобно тому, как лежат военнопленные из Козельска вблизи станции Гнездово". Добавим еще к этому, что военнопленные из Старобельска тоже лежат неподалеку от места разгрузки эшелона с военнопленными.

Картина жуткая... Если теперь коснуться того, что происходило на станции Гнездово, на которой разгружались этапы из Козельска, то будет понятно, почему мы назвали ценный труд Ю. Мацкевича "Страшной книгой". Станция Гнездово и Катынский лес, где убивали

польских офицеров из лагеря в Козельске, превратились в собирательное название "Катынь", вокруг которой концентрируются многочисленные свидетельства мерзкого преступления советской власти, настолько очевидного, что ныне в эпоху перестройки она даже особенно и не пытается отказаться от своего "авторства" в этом деле, довольно вяло отвечая и ссылаясь, понятно, на все тот же "культ личности".

Катынь... Катынь — это, собственно, уничтожение польских военнопленных, офицерского состава польской армии, находившихся в лагере в Козельске. 3 апреля 1940 г., когда еще никаких немцев на Смоленщине не было, начинается разгрузка козельского лагеря. Оттуда вывозят пленных группами от 60 до 400 с лишним человек. Эта разгрузка продолжается до 12 мая. Почти одновременно таким же образом начали вывозить пленных из Старобельска и Осташкова.

Польских офицеров из лагеря в Козельске большей частью везли до станции Гнездово, расположенной в 14 км к западу от Смоленска. Вагоны с пленными подавались или на станцию Гнездово, или их отправляли по другой железнодорожной линии в том же районе и загоняли в глухой тупик. И в том и другом случае вещи заключенных бросали на грузовик, а самих пленных загоняли в тюремные зарешеченные машины и везли в Катынский лес на расстрел.

Пройдет еще некоторое время, наступит время начала войны СССР с Германией, возникнет вопрос об организации польских вооруженных сил, подчиненных советскому командованию. Берия и Меркулов будут вести разговор с тремя польскими офицерами: полковниками Берлингом, Букоемским и Горчинским. Разговор шел на Лубянке, где сидели эти польские офицеры. Речь естественно заходит о комплектовании польских воинских частей офицерским составом. Поляки рассчитывают на своих офицеров. Они не знают, что последние лежат в катынских могилах. Берия произносит крылатую фразу: "Нет, они не входят в расчет... Мы сделали ошибку, ошибку сделали...". Сделали ошибку. А сколько таких "ошибок" было сделано за семьдесят лет? Последующие попытки убедить поляков, что офицеры были "отданы немцам", не возымели нужного действия.

Не останавливаясь на жутких описаниях всего найденного в катынских могилах, на методах идентификации трупов, на показаниях местных жителей, прекрасно знавших, что происходит в Катынском лесу, отметим абсолютную объективность автора книги, поместившего в ней материалы и советской

стороны, давшей свою версию происшедшего и свалившей все на немцев, хотя исследование могил явно свидетельствовало, что находящиеся в ней трупы стали таковыми не позднее весны 1940 года, когда никакой войны на этой территории еще не было. Ноты советского правительства, постановления и сообщения соответствующей комиссии, "расследовавшей" "обстоятельства расстрела в Катынском лесу военнопленных польских офицеров немецко-фашистскими захватчиками", заключения соответствующих экспертиз, показания "свидетелей", рассказавших не совсем обычные истории о всем происходившем, — вошли в книгу Ю. Мацкевича, отнюдь не укращая ее, но являясь в некоторых отношениях необходимым к ней дополнением. Впрочем, после всего рассказанного Ю. Мацкевичем и им глубоко пережитым, виденным им и подробно описанным, советские объяснения кажутся явно надуманными и фальшивыми.

Книга Ю. Мацкевича о Катыни была первой на эту тему. Она была издана на восьми языках и давно разошлась. О ней писали на 16 языках на всех континентах мира. После нее появились и другие книги, но книга Ю. Мацкевича явилась не только первой, но и одной из лучших. Она не велика по объему, но исключительно ценна по своему содержанию и убедительности. Автор поместил в ней значительное количество документальных фотографий, дающих весьма впечатляющее представление о том ужасе, который творился в Катынском лесу.

Книга вышла в то время, когда по всей нашей планете слышны те или иные отзвуки горбачевской перестройки, когда лицемерный западный мир снова напрашивается на новую разрядку, которая для противной стороны явится "последним и решительным боем". Все стараются сделать вид, что верят в благие намерения Москвы, не желают считаться с теми реальностями, которые дала история за последние семьдесят лет. И никого в общем не интересует один-единственный вопрос, поставленный историей перед всем миром. Катынь — это только деталь в потоке убийств и насилий, учиненных советской властью. По подсчетам статистиков существование советской власти обошлось приблизительно в сто миллионов жертв, причем результаты советского эксперимента никак нельзя признать удовлетворительными. Но последнее в общем и неважно. Важно другое. Имеет ли моральное право на существование власть, для своего самоутверждения убившая сто миллионов человек? Ответ будет отрицательный, но единственно возможный.

Поскольку мы не получили ответа от редакции "Граней" и не знаем, будет ли это письмо опубликовано в "Гранях", мы публикуем его у нас, что ничуть не мешает его публикации в "Гранях".

В. А. Пирожкова
15 апреля 1989 г.

В редакцию журнала "Границы"

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Уважаемая г-жа редактор!

В № 150 "Граней", который дошел до меня только сейчас, есть повествование о Н. К. Печковском Александры Орловой. В отделе "Коротко об авторах" о ней не стоит ничего, так что я не знаю, где она сейчас находится. Но она сама просит исправить неточности или упущения, которые, возможно, имеются в ее изложении.

Следуя этому призыву, я хочу указать на то, что ее изложение о времени оккупации весьма неточно. Я слышала концерт Печковского в Пскове, кажется, в 1942 или даже еще в 1941 г., во всяком случае, в начале оккупационного времени. На концерте были как русские, так и немцы (военные), никому вход воспрещен не был. Печковский был встречен очень хорошо и не выглядел ни голодным, ни заморенным. Меня поразило тогда, что он пел романсы баритоном. Я слышала его до войны в Ленинграде втеноровых ариях, в том числе и в его знаменитой роли Германа в "Пиковой даме". Баритон был высокий, но все-таки баритон. Потом мне сказали, что у него, собственно говоря, был баритон, но он предпочитал петьтенором. Автор статьи пишет, что у него был баритональныйтенор, не буду с ней об этом спорить. Я пишу только о личных впечатлениях. Помню хорошо такой эпизод во время концерта. Как раз этим вечером прорвался к Пскову советский самолет. По-настоящему Псков советские самолеты не бомбили вплоть до памятного 19-го февраля 1944 г., когда город был разнесен. Но отдельные самолеты прорывались, падали иногда отдельные бомбы. И во время концерта где-то упала бомба, не так уж далеко. Был слышен взрыв и на момент погасло электричество. Слушатели в панике вскочили, раздались крики, немцы стали успокаивать, но все покрыл мощный голос Печковского, который не прекратил концерта. Электричество снова зажглось, и концерт спокойно был доведен до конца. Печковскому преподнесли много цветов, как русские, так и немцы.

Потом Печковский уехал в Ригу. Мы бежали в Ригу в феврале 1944 г. Там я слышала, что Печковского приглашали (не заставляли, а приглашали) в турне по Германии, включая и Вену. Однако венцы

приняли его прохладно, они якобы нашли, что у него не хватает музыкальной школы. Кстати, об этом же говорилось и в музыкальных кругах Ленинграда до войны. Но я сама не такой знаток музыки и судить не берусь. Возможно, у венцев были и предубеждения. Обо всем этом я только слышала и не могу поручиться за верность. Так или иначе, Печковский вернулся в Ригу.

В Риге Печковский жил вполне прилично, не голодал и не ходил обтрепанным. Все это уж легенда. Я не знаю, кто это В. Л., на которого ссылается А. Орлова и который видел и слышал Печковского в Риге. Но я тоже видела и слышала Печковского в Риге и могу заверить, что никаких плакатов о том, что русским вход воспрещен, в Риге не было. В Прибалтике русские были приравнены к местному населению, так и продуктовые карточки они получали такие же, как и эстонцы, латыши и литовцы, тогда как балтийские немцы получали карточки, которые отоваривались несколько лучше. В Польше же, где поляков очень унижали, русские были приравнены к немцам.

Я слышала Печковского в Риге в 1944 г. в концерте памяти Л. В. Собинова. Все, кто купил билет, мог пойти на концерт, было, естественно, много русских. Пелись большей частью русские романсы, и все латышские певцы и певицы, за одним исключением, пели в честь Собинова по-русски. Только один латышский бас спел романсы на слова Лермонтова по-латышски. Печковский участвовал в двух оперных отрывках, один из "Пиковой дамы", где латышская певица пела по-русски арию Лизы "Откуда эти слезы", а Печковский, конечно, тоже по-русски "Прости, небесное создание". Под конец была дана заключительная сцена из "Отелло", где, правда, все, кроме Печковского, пели по-латышски, т. к. этой оперы латыши не разучивали на русском языке. Печковский пел Отелло по-русски.

Выглядел он как обычно, заморенным или голодным он никак не казался. Когда пришло время бежать из Риги, мы к нашему ужасу узнали, что Печковский намерен остаться и ожидать советские войска. Мы думали, что ему придется плохо, но что можно было сделать? Видимо, он был слишком уверен, что "его успех неувядаем и

лаврам его нет конца" (из четверостишия открытое, продававшихся в Ленинграде до войны) и что его слава не войдет в тюремные ворота. Так и было бы при любом нормальном правительстве, но не при советской власти.

То, что сам Печковский, отсидевший в страшных лагерях, потом всем рассказывал об "аде при оккупации", по-человечески

понятно. Если б он стал говорить иное, то мог и еще раз попасть за колючую проволоку. Но мне думается, что теперь уже пора говорить правду обо всем прошлом, в том числе и о времени оккупации. Действительно, плохого было и так достаточно, но лишнего добавлять не следует.

~~~~~
Юзеф МАЦКЕВИЧ

КАТЫНЬ

Перевод с польского
Сергея Крыжицкого

НОВАЯ КНИГА

"КАТЫНЬ" не сходит со страниц мировой печати. Почти каждый день публикуются новые требования о полном расследовании совершенного в Катыни массового убийства польских офицеров.

Краеугольный труд Ю. Мацкевича является первым всесторонним исследованием этой страшной темы, главного "белого пятна" в советско-польских отношениях, изданным на русском языке.

В книге 354 страницы, включая 34 фотографии.
Цена — 20 ам. долларов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРЯ"
Лондон, Канада
1988

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЗАРЯ
ZARIA PUBLISHING CO.
73 BISCAY ROAD
LONDON, ONTARIO
CANADA N6H 3K8

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ "ЭКСПРЕСС-ХРОНИКИ"

В воскресенье 23 апреля группа захвата 5-го отделения милиции г. Москвы, возглавляемая людьми в штатском, имена которых так и не удалось установить, взломав дверь, ворвалась в подвальное помещение Московского государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных, где расположен участок оперативной полиграфии. До недавних пор здесь печатались только учебные пособия и ноты. При поверхностном обыске были обнаружены только что напечатанные 70 экземпляров "Экспресс-хроники" (№ 17 от 23 апреля 1989 г.). По распоряжению старшего следователя следственного отдела Киевского РУВД Поскакаева Бориса Михайловича (телефон: 249.99.86) и санкции прокурора района Попова Николая Михайловича номера "Экспресс-хроники" были изъяты, а участок множительной техники опечатан на неопределенное время.

Во время обыска в институте им. Гнесиных был задержан и доставлен в 5-е о/м распорядитель фонда независимой общественной библиотеки Юрий Кушков. В милиции его обыскали и изъяли: 21 экземпляр книги "Архипелаг ГУЛАГ" (1 и 2 части) Александра Солженицына, "Николай Николаевич" и "Маскировка" Юза Алешковского, "Капитализм и свобода" Мильтона Фридмана, "Кризис безбожия" Н. Ильина, журнал "Голос Зарубежья" № 51, устав и программа НТС, независимые издания: "День за днем", "Демократическая оппозиция" №№ 34 и 35 с приложением 1-го и 2-го номеров "Почетной газеты", 2 экземпляра "Хронографа" № 33, "Независимый библиограф" № 4, "Свободное слово" №№ 13 и 14, "Обращение к антифашистам нашей страны", "Обращение межклубной партийной группы к ЦК КПСС и МГК КПСС", конверт с бумагами и записями, 2 записные книжки, 100 рублей.

Допрошенный в качестве свидетеля прокурором Поповым Ю. Н. Кушков отказался давать показания. Он был помещен в камеру, откуда его выпустили через 12 часов после задержания. Все изъятые у него вещи приобщены к делу.

25 апреля в беседе по телефону со следователем Поскакаевым Юрий Кушков потребовал вернуть ему изъятые у него вещи, в ответ на что следователь сказал, что пока неизвестно, кто будет расследовать уголовное дело.

Комментируя воскресное происшествие, Юрий Кушков сказал: "В этот день "Экспресс-хроники" так и не дождались на Гоголевском бульваре десятки людей, жаждущих правдивой информации о событиях в стране. Информация и в "эпоху гласности" по-прежнему утаивается от своих соотечественников партийно-бюрократическим аппаратом, который безраздельно (и бесконтрольно) владеет всеми средствами манипулирования общественным сознанием: печатью, радио, телевидением".

25 апреля 1989
Москва

В издательстве "Третья волна" вышла из печати книга

Д. Штурман
"ГОРОДУ И МИРУ"

— анализ публицистики А. И. Солженицына, 432 стр.

В книге проанализированы публицистические выступления Солженицына до его изгнания из СССР и после него, его отношение к социализму, коммунизму и демократии, к Западу, к будущему своей страны и мира, его позиция в национальном вопросе, его взаимоотношения с некоторыми течениями диссидентства.

Книгу можно заказать по следующим адресам: 1) Mr. Alexandre Glezer (c/o Marie-Therese de Foras) 215, rue du Faubourg St. Honore, 75008 Paris, France; 2) Mr. Alexandre Glezer, 286 Barrow Str, Jersey City, N. Y. 07302, USA

Цена книги 25 долларов

НОВАЯ КНИГА,

посвященная 1000-летию Крещения Руси и Русского народа,

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Сборник избранных национально-патриотических статей из двенадцати периодических эмигрантских изданий. 293 стр., 27 н. м., 16 ам. долл.

Заказывать у автора: V. Zarubin, Leopoldsrt. 69, 8000 München 40, West Germany

Издательством "Поиски" переиздана книга незаслуженно забытого крупнейшего российского ученого-экономиста Б. Д. БРУЦКУСА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Теоретические мысли по поводу русского опыта

с предисловием, комментариями и послесловием В. Сорокина и Д. Штурман, пояснительной статьей лауреата Нобелевской премии по экономике Ф. А. Хайека и др. материалами.

Цена книги 72 фр. фр. Чеки направлять по адресам:

1) Victor Sorokin — 5, bd. de la Gare, 94470 Boissy-St.-Léger, FRANCE, и S. Tictin — Greenspan Str., 12/6, Misrakh Talpiot 422, Jerusalem 93802, ISRAEL

ВЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS — A SLAVIC BOOKSTORE

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, платинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroschkow
Адрес редакции: V. Piroschkow, Einsteinstr. 104/III, D – 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem

